

ФРИДРИХ

НЕЗНАНСКИЙ

МЕРТВЫЙ СЕЗОН
В АГЕНТСТВЕ «ГЛОРИЯ»

СЫЩИКИ

Агентство «Глория»

Фридрих Незнанский

**Мертвый сезон в
агентстве «Глория»**

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Мертвый сезон в агентстве «Глория» / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Агентство «Глория»)

В московском отеле «Метрополь» остановился американский бизнесмен. Однажды утром горничная обнаружила его обезглавленный труп. Первые же следственные мероприятия показали, что покойный был... дважды судимым российским мошенником. Так начинает раскручиваться дело об афере с драгоценностями Гохрана, вывезенными за границу в качестве залога валютных поступлений в Россию и канувшими в неизвестность. Следствию всячески мешают «заинтересованные» лица. И тогда к розыску преступников привлекается частное охранное предприятие «Глория».

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
1	8
2	14
3	21
4	28
5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Фридрих Незнанский

Мертвый сезон в агентстве «Глория»

Пролог

— Я пригласил вас, господа...

— Читали, — невежливо перебив директора агентства, зевнул старина Макс.

Остальные присутствующие в кабинете натужно заулыбались. Всем была понятна причина сбора: дела в частном охранном предприятии «Глория» в последнее время, точнее в первые же летние месяцы, пошли из рук вон плохо.

Если бы еще занимались чистой охраной — «личкой», как говорят телохранители, — может, никакой трагедии и не было бы. Телохранители нынче и в самом деле нарасхват, особенно опытные, с хорошим стажем работы, с положительными характеристиками от прежних клиентов и так далее. Но тут одна особенность: толковый телохранитель редко меняет хозяев. А если такое и случается, то событие чаще всего связано с недосмотром самого телохранителя. Иными словами, работа кончается, когда хозяина повезли в шикарном, элитном гробу. Если остается, что везти.

«Глория» не отказывалась от охраны, но клиентами, как правило, бывали VIP-персоны. А таковые прибывают, во-первых, не очень часто, а во-вторых, на сравнительно короткое время. Понимая это, директор агентства Денис Андреевич Грязнов основной упор в своей деятельности делал на всякого рода разыскных мероприятиях.

Довольно частыми в последнее время стали похищения бизнесменов, когда родственники похищенного, зная причины содеянного, вовсе не собирались обращаться в правоохранительные органы, в тот же РУБОП, где имеются и опытные сыщики, и жесткий СОБР, предпочитая закончить дело без огласки. Мол, вы нам найдите, покажите, а мы попробуем как-нибудь договориться и уж на крайний случай... применим силу...

Того же порядка были и обращения в агентство ревнивых жен и мужей, требующих проследить и доложить, но чаще уличить вторую половину в измене, чтобы после этого, на западный манер, разорвать брак, скрепленный модным нынче брачным имущественным договором. Либо иметь все основания устроить «мочилово» со всеми из него вытекающими.

Реже к услугам агентства прибегал его подлинный создатель — начальник Московского уголовного розыска генерал-майор милиции Вячеслав Иванович Грязнов. Когда-то он по просьбе верхнего руководства сдал бразды правления племяннику Денису и вернулся в МУР. Но Грязнова-старшего чаще всего интересовала закрытая информация, которую с успехом добывал сотрудник Дениса, компьютерный бродяга и замечательный хакер Макс — личность весьма самоуверенная и безобразно бородатая. К сожалению, информация подобного рода доходов агентству не приносила.

Бывало, правда в исключительных случаях, что частный сыск привлекал к сотрудничеству старший следователь по особо важным делам при Генпрокуроре России Александр Борисович Турецкий. Но в этих случаях заказ производился неофициально, так как сие запрещено законом, и потому гонорары бывали невысоки, а самоотвержение при этом требовалось полнейшее.

Более основательную прибыль приносило сотрудничество с юридической консультацией, в которой работал приятель Дениса Юрий Гордеев. Бывший следователь, ставший адвокатом, не утратил своих прежних навыков и по старой памяти чаще думал ногами, нежели головой. Все-таки разыскная страсть глубоко укореняется в человеке. Но бывали ситуации, которые оказывались и Гордееву не под силу, и тогда Денис посылал на выручку свою команду. Гонорар

в таких случаях был обеспечен приличный. Потому что к Гордееву чаще всего обращались солидные клиенты.

Но... Юра ушел в отпуск. VIP-персоны в ближайшем будущем не просматривались, дядя Слава занимался текучкой, дядя Саша расследовал какую-то крупную уральскую авантюру, а ревнивцы разбежались по «канарским бермудам» — так сформулировал простой в работе непочтительный старина Макс. Впору было закрывать агентство на летние вакации или вешать объявление на дверях: «Агентство отдыхает. Все ушли...» Весть, конечно, неприятная, но иного выхода на сегодняшний день Денис тоже не видел. Мертвый сезон — он везде одинаков.

Макс, к примеру, не возражал бы. Ему общение с дюжиной мощнейших компьютеров, находившихся в специально оборудованном и закрытом для посторонних помещении, было бы лучшим из всех других вариантов: никто не мешает, не задает идиотских вопросов, не лезет с советами и просьбами. Но Макс не в счет. Он один такой. А что делать, скажем, Алексею Петровичу Кротову, сыщику-асу? Этот бывший майор КГБ, а после подполковник из внутренней разведки МВД, приглашенный в свое время самим Грязновым-старшим, был не просто почетным украшением «Глории», без него ни одно серьезное дело не решалось. У Макса был компьютер, а у Крота — голова. И эта голова стоила всех Максовых компьютеров. В соответствующих ситуациях.

А что делать оперативникам, осуществлявшим одновременно функции и сыщиков, и телохранителей, и спецназа высшей категории?.. У мужиков есть и личная жизнь, семьи там, потребность не только поглощать в «Глории» кофе литровыми банками, а иногда еще и завтракать, и обедать, и ужинать, и семьи кормить, обувать и одевать...

Словом, что говорить, когда и так всем все понятно до слез!

Денис переждал естественную реакцию на бесцеремонность неугомонного Макса и закончил тяжкую для себя мысль:

— ...чтобы сообщить вам пренеприятную весть: деньги кончились.

— Денег нет и неизвестно! — снова встрял Макс. — Это я во время знаменитого дефолта в окне одной меняльной конторы прочитал.

Смеха уже не было. Чему радоваться-то?

— Я, конечно, попробую, коллеги, провентилировать еще одну возможность, — вздохнув, ничего не обещающим голосом продолжил Денис. — Но боюсь, что это мало что нам добавит. Поэтому вынужден принять непопулярное, как теперь говорят, решение. Давайте обсудим.

— А чего обсуждать, когда и так понятно? — подал голос шупловатый Филя — Филипп Агеев. Никто бы и предположить не мог, что в этом худощавом, невысоком человеке таится страшная взрывная сила. А так, в разговоре, существо почти кроткое.

— Я хочу предупредить сразу, — возразил Денис, — говоря об отсутствии средств, я не имел в виду ваши отпускные. Но просиживать время на работе и по крохам выкраивать на зарплаты, когда уже становится неоткуда, я считаю... В общем, решайте. Я соглашусь с любым реальным вашим предложением.

— Может, действительно в отпуск? — задумчиво проговорил Сева Голованов, бывший майор ГРУ по кличке Головач. — Я бы со своими на пару неделек в деревню смотался бы, а? Мальчишке покупаться...

— Если вопрос ставится таким образом, Денис Андреевич, — вежливо начал всегда интеллигентный и лощеный Кротов, — я могу отказаться от отпускных. Меня все еще Америка кормит.

В «Глории» знали, что прежние связи Крота иногда «доставали» его, просили помощи, содействия. И Денису приходилось отпускать сыщика. Вот и недавно он вернулся из Штатов — это, пожалуй, и все, что было известно. Во всем остальном Крот был кремень. Вероятно, раз он так сказал, то есть отказался от денег в пользу товарищей, гонорар его за ту поездку был неплохим. Учитывая, что пробыл он в Штатах несколько месяцев.

— Ваши отпускные, Алексей Петрович, существенно сути дела не изменят, однако спасибо за поддержку. Телефон-собака сжирает да электричество... Но я повторяю, при всем при том у нас не край. Я бы назвал ситуацию обычным летним синдромом. Я готов всем предоставить отпуска, но с одним непременным условием. Хотелось бы, чтобы все вы находились в пределах досягаемости.

— Ну да, — обрадовался Филя, — сегодня ни шиша, а завтра вдруг такой облом, что успевай подбирать!

— Вот именно, — обрадовался поддержке Денис. — Тогда вот вам выплатная ведомость, вот ключ от сейфа. Что делать, вы знаете. Берите сколько кому положено и расписывайтесь. Потом ключ на место. А я сметаюсь в одну контору, где как раз может оказаться «вдруг».

Не строя никаких иллюзий, а просто для того чтобы поставить перед свершившимся фактом, Денис позвонил дядьке и Турецкому, которым и сообщил о принятых на всякий случай мерах. Для того чтобы, если кому-то из них действительно вдруг потребуется помощь его агентства, они заранее знали, где могут находиться сотрудники. В пределах какой досягаемости.

И еще он сам был очень доволен, что в свое время не поспешил и обеспечил каждого из сотрудников мобильной связью, оплату за которую повесил на агентство. Поэтому в принципе он мог бы при острой нужде высвистать любого из своих людей буквально в течение дня, где бы тот в настоящее время ни находился.

Сделав решительный шаг, Денис глубоко вздохнул, ибо никто из старших товарищей не имел на примете ничего конкретного для него, и отправился пить пиво на Таганку, где в десятой юрконсультации работал Юрий Гордеев. За пивом со свежей таранкой можно было позондировать у адвоката, нет ли у кого-то из его коллег чего-нибудь сомнительного, запутанного, связанного с покойником, родственники которого вовсе не желают огласки, но правду знать хотят. И за эту самую правду готовы заплатить приличные башли.

Конечно, все это не от хорошей жизни. И по идее, спасти финансовую ситуацию мог бы хороший труп. Как ни цинично сие звучит в устах юриста по образованию и сыщика по призванию.

Но... недаром же говорится, что если о чем-то долго и упорно размышлять, глядишь, и сбывается. А еще, как заметил поэт, «нам не дано предугадать, чем наше слово отзовется». Если вдуматься, именно слово, а не дело. Поэтому, когда, вволю наговорившись под хорошее пиво, Денис Грязнов подумал, что желанная перспектива, кажется, не светит никаким боком, он еще не знал, что судьба начинает кидать карты в его пользу, и сам он будет вынужден очень скоро давать своей команде долгожданный приказ: «Кончай ночевать, мужики! Дело ждуть не любит!...»

Часть первая

ДИАДЕМА ГРАФА ДЕМИДОВА

1

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Константин Дмитриевич Меркулов взглянул на вошедшего Александра Борисовича Турецкого и мрачным кивком пригласил присаживаться.

— Привет, — сказал Александр. — Явился, вашество, не запылится.

— Привет, — буркнул Меркулов. — Про убийство в «Метрополе» слышал?

— А кого замочили?

— Фи! — поморщился Меркулов, он терпеть не мог уголовной фени, особенно от своих сотрудников. — Значит, не слышал. Убили известного тебе предпринимателя Левона Вартановича Аракеляна. Вспомнил такого?

— Та-ак, — протянул Александр. — Теперь понятно.

— Что тебе понятно?

— И мне понятно, и ежу понятно, что дело ты вешаешь на меня.

— А вот теперь угадал.

Турецкий неопределенно пожал плечами, скривился, изображая великое неудовольствие. Меркулов выжидательно наблюдал за ним.

— Ну что, в самом деле? — резюмировал свою игру Турецкий. — Небось очередная разборка... Биография-то известна. А я все-таки «важняк», Костя! Уровень-то... как-то...

— Именно поэтому я и позвал тебя.

Меркулов достал из большого желтого конверта несколько фотографий убитого, разложил на столе веером.

— Ну что? — снова пожал плечами Александр, разглядывая фотографии. — Убийство, похоже, ритуальное. Что еще? Исполнители — мусульмане — исчезли бесследно. Так? Свидетелей тоже нет. Я прав?

— Сразу уж и мусульмане!.. Башку отрезать, Саня, дело нехитрое. Наловчились и православные... Однако не исключен и мусульманский след, тут ты, возможно, прав. А теперь взгляни сюда.

Меркулов вытащил из ящика стола шкатулку затейливой работы, открыл. На черном бархате лежала диадема, усыпанная бриллиантами и украшенная крупным рубином.

Турецкий взял диадему, покачал на ладони.

— Такая вещица вообще-то должна лежать вовсе не в твоём столе.

— А где же?

— Ну... в Алмазном фонде. В Гохране... В сейфе какого-нибудь миллиардера.

— Она и лежала в Гохране. Может быть, не эта, по поводу которой ты...

— Неужели подделка? — изумился Турецкий.

— Опять угадал, — улыбнулся Меркулов. — Она самая.

— Ах вон что! Значит, сработал подделку братишка-близнец покойного Левона Жоржик Аракелян... — не то спросил, не то уточнил Турецкий. — Великий, однако, мастер!

— Ну вот ты сам и определил одну из своих задач.

— Ты мне, Костя, другое скажи: лежит или уже не лежит в сейфе Гохрана подлинник? Где сейчас настоящая диадема?

Константин Дмитриевич поднялся, прошел в угол кабинета, где на круглом столике находились чайные принадлежности. Медленно разлил по стаканам в подстаканниках свежезаваренный чай, жестом пригласил Александра и подвинул к нему вазочку с печеньем.

— Угощайся, Саня.

— Благодарю покорно, — хмыкнул Турецкий, нюхая чай. — «А кому не сенца, хотелось бы мясного...» — процитировал известную басню.

— Обойдешься... — Меркулов вернулся к письменному столу. — Из Гохрана, Саня, исчезла не только золотая диадема графа Демидова — так она числится по каталогу, но и другие уникальные ювелирные изделия, а также прочие драгоценности на сумму в общей сложности более двухсот миллионов долларов.

— То есть как исчезли? Из Гохрана?! Да туда ж не только мышь, таракан не проползет! — Турецкий снова уселся напротив, попивая чай.

— Увы... История эта началась не вчера. Драгоценности были вывезены за границу путем вполне официальным и при этом с огромными радостными надеждами, — усмехнулся Меркулов. — Не тебе объяснять, что мы давно побирушничаем... Так вот, после того как доходы от продажи нефти и газа резко снизились, взоры нашей чиновничьей братии обратились к алмазодобывающей промышленности... Тебе приходилось бывать в Мирном?

— Пролетал однажды. На высоте десять тысяч метров. Может, чуть пониже, а что?

— С такой высоты, конечно, самые твердые и дорогие камушки на земле не разглядишь. А в Мирном их много. Очень много! Куда там Южной Африке!

— Понял, — кивнул Турецкий.

— Что ты понял?

— В Южной Африке процветает самый мощный в мире концерн по обработке алмазов. И процветает он не в последнюю очередь благодаря алмазному сырью из Мирного. Скупают по дешевке, превращают в бриллианты и продают в сотни раз дороже. Это мы уже проходили.

— Верно, — удовлетворенно улыбнулся Меркулов. — Все-то ты помнишь. Пойдем дальше. Вообще-то, если по правде, чиновники, и прежде всего председатель Гохрана Виталий Евгеньевич Пучков, которого за глаза именуют Пучком, замыслили дело нужное, большое, и, если бы оно выгорело, кредиты потекли бы к нам широкой рекой. А замыслили они следующее. Чтоб самим перерабатывать алмазное сырье и получать гигантскую прибыль от продажи бриллиантов, мастеров у нас конечно же достаточно. Скажем, хватает. Но вот кредитора, который вложил бы свои деньги в развитие нашей алмазообрабатывающей промышленности, мы не имели. Однако нашелся и кредитор — один весьма солидный американский банк. Но прежде чем дать кредит, американцы, как это они теперь постоянно делают в отношениях с нами, потребовали залоговое обеспечение. Гарантии им твердые нужны. А что у нас нынче можно заложить? Да ничего! Говорю же — побирушничаем!.. И тогда Пучок потянул свои грабки к царским драгоценностям... Он-то, будем считать, руководствовался благими намерениями. Ведь по завершении кредитной сделки и по окончании взаиморасчетов, драгоценности должны были вернуться обратно, в Гохран. Но вышло — цитирую отставного премьера Черномырдина — «как всегда».

— «Хотели, как лучше, а вышло, как всегда», — поправил Турецкий.

— Вот именно.

— Неужели один человек, пусть даже он и председатель Гохрана, имеет право распоряжаться национальным достоянием страны?

— Зришь в корень! В том-то и дело, что завязаны в этой истории люди очень большие, включая, я так думаю, даже первое лицо. А вот за границу драгоценности ушли за подписью только двух человек: министра финансов и председателя Гохрана. Но с разрешения премьера и президента.

— Они, надо полагать, благословили идею в устном виде?

— Разумеется! Но ушла, к сожалению, не идея, ушли огромные материальные ценности.
— «Материальные!» — хмыкнул Турецкий. — Да ведь подлинная диадема графа Демидова не имеет цены! Она уникальна!

— Это уж само собой...

— Но насколько мне известно, Костя, американские банки, да, впрочем, и любые другие, работают с фирмами?

— Не волнуйся, фирма нашлась. Название — «Голден».

— Тоже американская?

— Естественно. И за ней стояли люди, очень уважаемые в финансовых кругах Соединенных Штатов. Но вернемся к истории. Итак, залог отправлен, и отправители стали ожидать вожденного кредита пятьсот миллионов долларов. Время идет, а банк никаких признаков жизни не подает. Наши вежливо поинтересовались причиной задержки. И тут руководство американского банка сообщает, что никаких драгоценностей из России они не получали. Что же касается фирмы «Голден», то да, действительно одно время переговоры с ней велись, однако ничего конкретного так и не было задокументировано. Все, так сказать, из области рассуждений о намерениях. Наш Пучок немедленно вылетает в Штаты, чтобы найти и вернуть на родину залоговые ценности. Но ни руководителей фирмы «Голден», ни даже вывески на здании, где она должна была располагаться, он не смог отыскать! Когда обо всем доложили наверх, самому, тот, говорят, рвал и метал, собирался тут же отдать всех под суд, однако одумался или кто-то сумел ему объяснить, что вина-то ведь и на нем лежит немалая. Словом, все как бы ушло в песок. — Меркулов достал еще одну фотографию. — Приглядишься, Саня, может, мелькало когда-нибудь перед тобой сие симпатичное изображение?

С фотографии глядел красивый парень — светловолосый, с прямым точеным носом, белозубой улыбкой и туманными, с поволокой, глазами, не выражающими ничего, кроме довольства жизнью.

— Не имел чести. — Турецкий вернул фотографию. — А кто таков?

— Валерий Михайлович Комар.

— Смахивает на первого, — рассмеялся Турецкий.

— Ну уж а с этим мужчиной, надеюсь, ты знаком? — спросил Меркулов, протягивая другую фотографию.

— Бояров Николай Андреевич — мульти-мульти-мульти... А он с какого боку припека?

— Объясняю. Я уже упоминал об очень уважаемых американских финансистах, поддержавших фирму «Голден»?

— Так точно, шеф.

— Так вот, господин Бояров побывал в Штатах дважды до того, как вся эта история развернулась. И только после его поездок Пучок положил на стол министра финансов документы фирмы «Голден», в которых и упоминались имена тех самых известных финансовых воротил, активно поддержавших перед американским банком российскую затею. Могу предположить, что, наслушавшись Боярова, они и в самом деле были откровенны. Однако почему-то подписей своих под документами не поставили.

— Так за чьей же подписью пришли документы?

— Мистера Дондероу, исполнительного директора фирмы «Голден».

— Он что, тоже из финансовых воротил?

— Я же сказал: исполнительный директор... Ты чего усмехаешься?

— Ну и где он теперь, этот исполнительный директор?

Меркулов исподлобья взглянул на Турецкого и саркастически крякнул:

— А ты, случаем, не проходил практику у Джуны?

— Автомобильная катастрофа? Утонул во время купания? Выпал с восьмидесятого этажа небоскреба? Еще варианты?

— Нет, не проходил, — скептически заметил Меркулов. — А вот Джуна наверняка угадала бы. Просто пристрелили.

Турецкий вытащил у Меркулова из-под локтя фотографию Комара, посмотрел и так и этак.

— С одним картинка ясна. А что за птица этот Комар?

— Тридцать четыре года. Холост. Окончил Плехановский, работал бухгалтером в НИИ, откуда перешел на завод «Кристалл». Кстати, на этом заводе во время приватизации испарились сто двадцать миллионов рублей. Сам же Комар через короткое время стал советником председателя Гохрана, то бишь Пучка. После чего побывал в Италии, Франции, Голландии, Бельгии... Достаточно?

— А где он теперь?

— Пропал. Растворился на Диком Западе среди фешенебельных ресторанов и казино.

— Он имеет отношение к исчезновению драгоценностей?

— Самое прямое. Полагаю, что эту аферу и задумал-то именно он. Ну и осуществил.

— При поддержке господина Боярова?

— Конечно! Кто такой бухгалтер Комар для американских финансистов? Никто. Пустое место. Они б его даже и не приняли. Но они не могли не выслушать крупного, даже по их меркам, предпринимателя-олигарха господина Боярова.

— А братья Аракеяны, по-моему, уже давно проживают в Штатах. Чем они там занимаются?

— Ну если быть справедливым, то теперь там проживает только один брат — Жорж Варганович, — как бы напомнил Меркулов. — А на что живут? Фирма у них. Называлась «Голден».

— Вот с этого, Костя, и надо было начинать, — наставительно заметил Турецкий. — А то рассказываешь мне... истории. Так чего ж тогда потянуло Левона в Москву?

— Этим вопросом сейчас занимается Грязнов. Возможно, что-то и накопает.

— Славка, конечно, накопает, но тут нужен более узкий специалист.

— У тебя есть такой на примете? — прищурился Меркулов.

— Есть, разумеется, однако...

— Ну что, не тяни!

— Этот вопрос в твоей компетенции. Без указания свыше частный сыск я к работе привлекать не могу, карман пустой. А по дружбе если просить, то я тоже всем порядком надоел. Так я думаю!

— Короче, Саня.

— Крот здесь требуется.

— Алексей Петрович Кротов? — удивился Меркулов. — А почему именно он?

— Начнем с того, что он хорошо знал обоих братьев. Если помнишь, дело о фальшивом ордене Андрея Первозванного распутал именно он. Так что встречаться с подделками ему не впервой. Но задействовать «Глорию» целиком или по частям — это не моя прерогатива. Я слишком уважаю Дениса и его людей, чтобы постоянно выступать в роли нищего просителя.

— Значит, эту роль ты отводишь мне? — усмехнулся Меркулов.

— Кость, ну чего мы приседаем друг перед другом? Задействовать в расследовании подобного рода, где все концы тянутся на Запад, частную сыскную фирму может себе позволить даже и не «важняк» Турецкий, а замгенпрокурора Меркулов или какой-нибудь сошедший с ума олигарх.

— Интересно, какая связь?..

— Между тобой и олигархом? — засмеялся Турецкий. — Ну второму, как известно, девать денег некуда. А у тебя помимо самых нежных, почти родственных чувств к молодому Денису Грязнову есть также возможность провести финансирование по своим обстоятельствам,

ввиду государственной необходимости, или же уговорить Грязнова-старшего расщедриться из его фонда на спецоперации. На работу агентуры то есть. В отличие от вас, я могу действовать методом убеждения либо слезными мольбами. И то и другое в моем возрасте и при моем чине просто непозволительно несолидно!

— Ишь как сформулировал! — Костя покачал головой. — Ладно, считай, уговорил, позвоню Алексею Петровичу. И с Дениской согласую. Раз надо для дела... К сожалению, как показала практика, со дня пропажи наших ценностей ни ФСБ, ни МВД, ни СВР даже и не чухнулись. Или им не велели. Поэтому, скорее всего, они с этой задачей теперь и не справятся. Нужен Кротов. Он, по моим сведениям, уже занимался этой проблемой. Ну что, тогда все? Или еще вопросы имеешь?

— Пожалуй, один, последний.

— Валяй, спрашивай.

— Для чего все-таки олигарху, миллиардеру, как о нем говорят, Боярову нужно было влезать в эту грязную историю?

— Ну начать с того, что денег не хватает. Кому на хлеб, а кому на ту же диадему с бриллиантами. Может быть, скажем, для любимой супруги.

— Даже так?

Меркулов пожал плечами.

— Все, говорю, может быть... А потом, я не уверен, что и наши простофили чиновники, да и тот же Бояров, ожидали подобного развития событий... Далее, а почему бы и в самом деле не положить в карман кругленькую сумму наличными, если возникла такая возможность? Бояров же не бесплатно работает! Ну и наконец, слышал, с наличностью у нашего олигарха в последнее время появились некие затруднения. Что также могло повлиять на его положительное решение в этом вопросе. Видишь, сколько позиций!

— Ты сказал о затруднениях?

— Но не о том, что не было на хлеб с маслом. У богатых, как известно, свои причуды.

— Ага, богатые тоже плачут. Причем постоянно. А что, у нашего Боярова хорошие связи с верхними людьми?

— Ну не могу сказать, что он открывает кремлевские двери ногой, но, к примеру, на последнем совещании промышленников и финансистов у президента он присутствовал. А всего их там, если не ошибаюсь, сидело что-то чуть больше дюжины...

— Чертова дюжина, — подсказал Турецкий.

— Тебе видней. Вот и кумекай. Известно также, что и министры к нему заезжают. Не он к ним, а они к нему.

— Ты давно был в курсе того, о чем здесь рассказал мне?

— Знал... Но сообщить смог тебе лишь сегодня.

— После соответствующего звоночка сверху? Или беседа была?

— Была беседа, — сознался Меркулов. — С генералом Федоскиным.

— О! Департамент экономической безопасности!

— Он начальник Управления по контрразведывательному обеспечению кредитно-финансовой сферы.

— И где ж он был раньше?..

Меркулов развел руками.

— Понял. Вопрос в пустоту. Значит, проснулись наконец?

— С тобой, Саня, очень просто. Ты сам задаешь вопросы, сам же на них и отвечаешь.

— Но хоть правильно отвечаю?

— У тебя опыт...

— Ладно. Но если ФСБ раскачалось, зачем же мне ей мешать? Пусть бы сами и пахали?

— Лично тебе, господин «важняк», поручается расследование убийства. А что ты там вообще накопишь, одному Богу известно...

— ФСБ будет мешать или помогать?

— Все будет зависеть исключительно от тебя. От твоей работы.

— А почему же, Костя, газеты не шумят? Почему молчит телевидение? Тут, понимаешь, исчезло национальное достояние, а кругом тишина, как в могиле!

— Представь себе: если ты, «важняк», услышал об этом только что и от меня, то какие могут быть статьи в газетах?

— Не то говоришь, уважаемый шеф, ох не то! — не поверил собственному начальству Турецкий. — Я так думаю, что до сих пор не поступало команды «фас». Вот и вся петрушка! Не поверю я, что газетчики могли пропустить факт убийства исполнительного директора фирмы «Голден» господина Дондероу!

— Почему же? — возразил Меркулов. — Была, помнится, заметочка в «Московском комсомольце». Ну и что с того? Да, директоров убивают, и не только у нас — с завидным, кстати, постоянством, — но и в Штатах.

— Не заметил, — помолчав, сказал Турецкий.

— А я как-то не заметил, что ты с утра до вечера изучаешь газеты. Ну хорошо, а если бы заметил? Наверняка не обратил бы внимания... — Меркулов улыбнулся и, надев очки, в упор посмотрел на Александра. — Все, наконец? Тогда приступайте к делу, господин старший следователь.

— Можно взять фотик этого красавца?

— Забирай. На всякий случай — деталь. Этот красавец был в Афгане.

— При штабе, разумеется?

— Точно. У тебя, Александр Борисович, глаз-ватерпас.

— А поконкретнее нельзя?

— При штабе девятнадцатого танкового корпуса. В котором, между прочим, служил тогда и подполковник Николай Андреевич Бояров. — Костя улыбнулся хитровато.

— И тоже при штабе?

— Нет. Этот боевой офицер.

— Выходит, Бояров и Комар — старые знакомые?

— А вот уж чего не знаю, того не знаю.

— Я пошел?

— Шагай, шагай... Денька через два — максимум три буду ожидать тебя с нетерпением.

В дверях Александр обернулся:

— В каких пределах я могу сообщить своей команде суть нашего с тобой разговора?

— В пределах нормы.

— А Кроту?

— Ну начнем с того, что его еще надо достать. А потом, Кроту... Тьфу, будь ты неладен! Я не исключаю, что Кроты может знать куда больше моего.

— Почему?

— Ты же только что сам сказал, что он хорошо знает братьев Аракелянов! Или ты уже забыл о своем задании? Напомнить?

Турецкий улыбнулся, махнул рукой и закрыл за собой дверь...

2

Начальника МУРа Вячеслава Ивановича Грязнова на месте не оказалось. Секретарша его Людмила Ивановна сказала лишь доверительно — она-то знала о приятельских отношениях своего шефа с Турецким, — что Вячеслава Ивановича нынче словно ветром сдуло: улетел, ничего не сказал, видать, где-то чепэ.

Александр поблагодарил, положил трубку и подумал, что, по идее, и ему самому следовало бы прямо сейчас смотаться в «Метрополь». Но с другой стороны, там уже Славка, а он ничего стоящего внимания не пропустит.

Кроме того, надо было обдумать разговор с Костей. А для этой цели, то бишь процесса обдумывания, Александр включил электрочайник. После Костиного чая захотелось привычного крепчайшего кофе. Вот и кружка большая и чистая под рукой, и «Нескафе-классик» в красивой дорогой банке. Но едва зашумела вода, зазвонил телефон. Турецкий чертыхнулся, однако трубку поднял.

— Добрый день, Александр Борисович!

— О, старый друг! — обрадовался Турецкий. — Здравствуй Алексей Петрович, дорогой! Какими судьбами?

— Мне позвонил Константин Дмитриевич.

— Сказал, что по моей просьбе? — засмеялся Турецкий.

— Не сказал, но я и сам понял, когда услышал, о ком речь. А ты сам не мог позвонить, что ли?

— Ты, Алексей Петрович, человек занятой, а дело серьезное, да и замгенпрокурора — все-таки замгенпрокурора! — засмеялся Турецкий.

— Но тебе же известно, что для тебя у меня всегда найдется свободная минутка. Тем более что я в настоящий момент в отпуске.

— Прекрасно! Так, может, мы...

— Подъезжай ко мне. Адрес, надеюсь, не забыл?

— Когда удобно?

— Да прямо хоть сейчас... Нижний код — сто шестьдесят три.

Обдумывать разговор пришлось по дороге.

Как понял Турецкий, лишь убийство Левона Аракеяна — причем, довольно странное все-таки: туловище отдельно, голова сбоку — дало повод генералу Федеральной службы безопасности Сергею Ивановичу Федоскину раскрыть все карты до конца перед заместителем генерального прокурора. А если взглянуть глубже, то не только перед Меркуловым, но и перед следователем — «важняком» Турецким. Конечно же с Костей генерал наверняка говорил не раз, они старые приятели. Может быть, даже Федоскин и предложил Косте привлечь к делу именно Александра, зная твердо, что Турецкий обязательно доведет дело до конца. Докопается до истины.

Александр тоже знал Федоскина, но шапочно. Слышал от Кости, что мужик он всегда был неподкупный и честный. Известно было также, что генерал с уважением относился к Александру. Во всяком случае, так говорил Меркулов, а не верить ему оснований не было.

И коли это так, то имелся прямой резон лично встретиться с Федоскиным, услышать из первых уст то, о чем рассказал Костя.

Турецкий вообще старался как можно меньше думать о высокой политике и о политиках с верхних этажей власти. Он постоянно делал свою работу. Но именно эта работа, совершенно конкретные расследования, и сталкивали его с большой политикой, будь она трижды неладна! А точнее, с теми, кто делал эту политику.

Вот и в деле с исчезнувшими драгоценностями завязаны люди выше некуда! Председатель Гохрана, министр финансов, всяческие высшие советники, наконец, не исключено, что и сам президент. Разумеется, последний не брал и не воровал. Но народного-то достояния нет! Так с кого спрос в первую голову? А с хозяина и спрос, с президента...

Настораживало еще то обстоятельство, что туговато обстояло дело и с виновниками аферы. Тот же Комар, к примеру, до сих пор на свободе, за кордоном — как это? — в ресторанных джунглях Дикого Запада? А ведь уже давно должен был бы припухать в крытке. На персональной шконке в том же Лефортове. Но почему не сидит? Может быть, тягомотина с поиском и задержанием бывшего бухгалтера кому-то выгодна? А кому? Если тянуть без конца, бухгалтер может однажды просто исчезнуть с лица земли. Или так задумано с самого начала? Старая ведь истина: нет человека, — нет и дела. С трупа-то много не спросишь...

Турецкий припарковался на Арбате, в Оболенском переулке, во дворе старинного дома, после капитального ремонта ставшего, судя по всему, элитным. Поднялся лифтом на седьмой этаж и нажал кнопку звонка.

Дверь немедленно открыл хозяин. Возможно, он увидел из окна «семерку» Турецкого. Обменялись рукопожатиями.

— Тишина, — с улыбкой констатировал Турецкий.

— А мои все на даче. Я вообще-то по мелким делам приехал. А Константин Дмитриевич, как угадал, вмиг высвистал!

— Это он умеет! — поощрительно заметил Турецкий.

В кабинете, на журнальном столике возле дивана, было уже накрыто — для беседы коротке.

— «Арагат»! — с уважением заметил Турецкий, разглядывая бутылку.

— Без туфты, — подтвердил Кротов. — Я не изменяю своему вкусу.

Они выпили по рюмке, стали закусывать золотистыми шпротами с лимоном. Наконец Кротов откинулся на спинку дивана и закурил. Александр понял, что этикет соблюден, можно и о деле поговорить. И он кратко изложил свою нужду, а затем, в свою очередь, уставился на собеседника.

Кротов кивнул. Затянулся глубоко, вжал сигарету в пепельницу и заговорил:

— Давай сперва по поводу убийства Левона. Я так считаю, что они оба — и Левон, и Жорж — приговорены. И приговорены к ритуальному мусульманскому убийству. Что уже с одним произошло.

— Кем приговорены, если не великий секрет?

— Кое-какой информацией я владею. А кто конкретно — это вопрос времени, надо им просто всерьез заняться. Вероятно, кто-то из арабских шейхов.

— Значит, братишки, как я могу представить себе, всучили-таки фальшивую диадему шейху?

— Ты же своими глазами ее видел! — усмехнулся Кротов. — Нет, всучили они ее не шейху. Тот вряд ли допустил бы лицезреть свою особу каким-то там торговцам драгоценностями. Я думаю, облапошили управляющего, кого-то из приближенных шейха. Такая картина вероятнее.

— Я, конечно, не видел оригинала, но та, что побывала в моих руках, меня поразила. Тончайшая работа!

— А что ты хочешь, Жорж Аракелян — мастер высшего класса.

— Как полагаешь, сколько времени ему потребовалось, чтобы сработать эту вещь?

— В любом случае не меньше года. При том условии, что подлинник будет все время находиться перед глазами... Но времени этого у него не было. Однако подделка имеет место быть? И где она обнаружена? Прямо на трупе господина Аракеяна. Это тебе известно?

— Я еще не встречался с Грязновым. После разговора с Костей позвонил ему, а его не было.

— А-а, ну понятно. Работает Грязнов, — улыбнулся Кротов. — А я только появился с дачи... да, впрочем, ладно, разговаривал я уже с ним. И Денис в курсе. Вячеслав Иванович с ним созванивался. Чего-то хотел проверить по нашим каналам. Так я понял.

— А что, частный сыск — большое подспорье генералу!.. Но вернемся к нашим баранам... Итак, если Жорж Аракелян, как ты утверждаешь, просто физически не успел бы сработать копию драгоценной вещицы, возникает вопрос: откуда она вообще могла появиться?

— Помнится, — сказал Кротов, закуривая новую сигарету и подавая огонек Турецкому, тоже решившему подымить, — лет пять-шесть назад в печати появились сообщения о том, что в Эрмитаже хранятся не подлинники, а копии, кстати, здорово выполненные, тех картин, что еще в тридцатых годах, практически почти за бесценок, были скуплены небезызвестным Арманом Хаммером. Не слышал?

— Да, сообщения появились, но быстренько и пропали, — согласился Турецкий. — У тебя есть на этот счет...

— Нашлись умные головы, — улыбнулся Кротов, — и прекратили измышления. Более того, в зарубежной печати немедленно кинулись опровергать сию провокационную информацию. Утверждали, что за всю историю расставание Эрмитажа со своими подлинниками носило единичный характер, что хорошо всем известно. Впрочем, время покажет, кто тут прав. Но я уверен, что Иосиф Виссарионович был хотя и злодей, но далеко не дурак.

— Ты на что это намекаешь, Алексей Петрович? — улыбнулся Турецкий.

— Совсем не на то, о чем ты сейчас подумал, — парировал тот. — В залог, скорее всего, была отдана подлинная диадема. Как и все остальные драгоценности. Хотя бы потому, что в России сегодня нет человека, подобного Сталину.

Турецкому были известны убеждения Кротова, хотя бы та их часть, которая касалась «жесткой руки», и он не стал спорить и обсуждать чужую точку зрения. Его интересовало сейчас совсем другое.

— Но ведь я своими глазами видел, в руках держал подделку! Да и эксперты не могли ошибиться.

— А они и не ошиблись, — ответил Кротов. — Ну догадался наконец?

— То есть что же? Выходит, что в Гохране или другом подобном месте рядом с настоящими драгоценностями, с подлинниками, не имеющими цены, припухают и подделки?

— Верно. Но практикуется это не только у нас.

— Тогда где же находится оригинальная диадема графа Демидова?

— Если навскидку? Ну, к примеру, у Жоржа Аракеяна. У бывшего бухгалтера Комара. В сейфе американского миллиардера. Наконец, в кармане одного известного тебе российского олигарха, бывшего толкового офицера из Афгана.

— Даже так?! Ты полагаешь, в столице-матушке?

— А почему бы и нет?

— В кармане господина Боярова? Я ведь правильно тебя понял?

— Не исключаю, тем более что его жена, Елена Юрьевна, прямой потомок тех самых графов Демидовых.

— А вот этого не знал...

— Так ее девичья фамилия Демидова. Она член Московского дворянского собрания.

— Они, кажется, проживают где-то поблизости от тебя? Тоже на Арбате?

— На Пречистенке, если быть точным. Небольшой симпатичный особняк этот когда-то принадлежал предкам Елены Юрьевны. Купили коммунальную развалюху, которая, как говорится, даже не охранялась государством, и сделали конфетку. И теперь можно вешать любую табличку, хоть золотую, — улыбаясь, рассказывал Кротов. — Пока расселял жильцов да воз-

водил заново стены, многие Боярову советовали отказаться от этой затеи. Проще, конечно, соединить, к примеру, четыре квартиры в одну и заполнить себе целый этаж, этак по-американски. Но видимо, демидовская жилка Елены Юрьевны подвигла Николая Андреевича на строительный подвиг. Поинтересуйся как-нибудь, в самом деле замечательный особнячок.

— Действительно, любопытно.

— И главное — есть над чем поразмышлять.

— Послушай, может, не так уж глупа мысль, что господин Бояров, обивая, как ты говоришь, пороги американских финансистов, как раз и старался ради той самой демидовской диадемы?

— Отчего же глупа? — уклончиво заметил Кротов.

Турецкий выложил на стол фотографию. Алексей Петрович мельком глянул:

— Комар это. Валерий Михайлович.

— Ты его знаешь?

— Встречался в Штатах.

Турецкому было известно, что Кротов провел несколько месяцев в Нью-Йорке в связи с делом об отмывании российских денег в американских банках, но, зная скрытность товарища, предпочитал не задавать прямых вопросов, а делать как бы намеки. Кротов сам отвечал, когда считал нужным, либо отделялся шуткой. Вот и сейчас, чувствуя, что не настроен Алексей продолжать, Турецкий плеснул себе в рюмку коньяка и жестом предложил Кротову последовать его примеру.

— Понимаю, — хмыкнул Кротов. — Но сейчас можешь не стесняться. Задавай вопросы.

— Что-то изменилось? — поднял брови Турецкий.

— В некотором роде... Я подумал, что можно попытаться вернуть все-таки национальное достояние России.

— А не получится так: что с возу упало, то пропало?

— Тут особый случай. Драгоценности, как тебе известно, не едят. Их можно либо уничтожить, скажем, переплавить, или спрятать подальше. Первое не годится, поскольку все предметы имеют не только материальную, денежную, но и еще большую художественную ценность. Да и не уничтожения ради их, видимо, приобретали. А значит, их можно найти.

— Но ведь наши драгоценности представляют собой прежде всего залоговую ценность. Это значит, что они могут просто находиться в сейфе какого-то банка, откуда ты их никакими силами не выцарапаешь!

— Не думаю, — возразил Кротов. — По моим соображениям, большая часть может находиться в частных руках.

— Это сведения от председателя Гохрана? — Сарказм был, конечно, в данном случае неуместен, но Турецкий ничего не мог с собой поделать. — Или от министра финансов?

Кротов с улыбкой посмотрел на Турецкого и без всякого выражения произнес:

— В отличие от тебя, я не вхож в столь высокие сферы. Турецкому, честно говоря, уже стала надоедать эта игра в прятки, хождения вокруг да около.

— Я тебе вот что хочу сказать, Алексей Петрович. Я не буду из тебя ничего вытягивать, надеясь, что ты по старой дружбе сам расскажешь то, о чем считаешь нужным сказать. Ибо ради возвращения домой нашего национального достояния я и приехал к тебе.

— Чудак-человек! Я ж и не собираюсь ничего скрывать. Извини, если у тебя создалось такое впечатление. Здесь меня совсем иное заботит...

— Что же?

— Будут огромные трудности. Почти непреодолимые.

— Да уж не без того... — снисходительно заметил Турецкий.

— Но они возникнут совсем не с той стороны, с которой ты думаешь.

— Да? — сделал удивленное лицо Турецкий.

— Мешать станут не всякие там Жоржики или Комары. Даже наши мафиози, на худой конец. Сопротивляться будут деятели из президентской администрации. Если не сам.

— Ну уж! — развел руками Турецкий. — При всем моем, мягко говоря, не самом позитивном отношении к этой личности я все-таки думаю, что в таком грязном деле... Это при его-то характере!

— Характер тут ни при чем, — задумчиво заметил Кротов. — Скажут — и послушается...

— Если ты имеешь в виду это?.. Впрочем, на то она и семья.

— Хотя, — усмехнулся Кротов, — я готов согласиться с тобой: вопрос не бесспорен. Его могли и просто обвести вокруг пальца, показав радужные перспективы и ни слова не сказав о конечной цели.

— А чего ты мафию помянул? Она какое отношение имеет?

— Да я просто уверен, что хорошо всем нам известный Отец не мог бы пропустить мимо своего рта хотя бы куска столь жирного пирога.

— Это означает, что какая-то часть залога вполне может оказаться в кармане господина Коновалова, крестного отца?

— Во всяком случае, не исключаю. Его, кстати, тоже могли надуть в этом деле.

— Комар? Братья Аракеляны?

— Думаю, второе теплее. По моим сведениям, Жорж и покойный Левон в короткое время стали в Штатах миллионерами. У Жоржа собственный особняк, яхта, личный самолет. И до последнего времени ни у одного, ни у другого братца, кажется, не было никаких сложностей с налоговой полицией.

— Может, фирма «Голден» была под «крышей» господина Коновалова?

— А вот это бесспорно.

— В таком разе не могли ли люди твоего Отца и убрать Левона? За какие-то нам пока неизвестные провинности?

— Во-первых, он не мой, а, мягко выражаясь, общероссийский, как любая достопримечательность нашего смутного времени. А во-вторых, люди Отца не приговаривали Левона. Не будем торопиться, может быть, что-то сумеет раскопать Вячеслав Иванович.

— Алексей Петрович, а ведь ты был в Штатах именно тогда, когда замочили исполнительного директора «Голден» господина Дондероу?

— Ну.

— Много было шуму?

— По их меркам маловато.

— Странно...

— Мне тоже так кажется. Вернее, показалось. Потому что я, помню, и особого внимания на этот факт не обратил. Не знал, кстати, и о том, что фирму основали братья Аракеляны. Это меня потом Саймон Нэт просветил. Самую малость.

— ФБР?

— Руководит нью-йоркским отделением. Но по призванию — сыщик. Причем классный. К данному делу он отношения не имел, как мне поначалу показалось. А когда я его спросил, он просто ушел от ответа. Ну мало ли, неинтересно человеку, не знает, а я не стал настаивать.

— Но как, если не секрет, ты вообще узнал об этих драгоценностях? — добрался наконец до главного Турецкий.

— В высокие сферы я не вхож, это тебе уже известно. Но с референтом президентского советника по экономике господином Маркиным Игорем Леонидовичем много лет поддерживаю дружеские отношения. На каких, спросишь, основаниях? Да просто потому, что мы с ним выросли в одном дворе.

— Маркин... Игорь Леонидович? Нет, не слыхал, — сказал Турецкий.

— Немудрено. Референт, мелкая кремлевская сошка...

— Однако в наше время, насколько мне известно, Алексей Петрович, именно сошки и решают самые крупные дела. А потом, референт советника самого президента не такая уж и мелкая сошка. И если он человек с умом... — Турецкий выразительно посмотрел на Кротова.

— Игорь — человек неглупый. Даже очень... Разве глупый человек ездил бы сегодня на представительском «мерседесе»? Имел бы в центре пятикомнатную квартиру? Особняк на Истре?

— Да, на подобные приобретения нужны хорошие мозги, — согласился Турецкий. — Особенно если иметь в виду его зарплату.

— А знаешь, сколько он получает?

— Чиновники его уровня получают не больше четырех-пяти сотен баксов.

— Примерно. Вот и думай, на какие шиши сделаны приобретения?

— Женат?

— Был. Но с этим делом у него порядок, женщин хватает, может и поделиться.

— Хорошо устроился!

— Неплохо, — тактично поправил Кротов. — Но я подозреваю, и не без оснований, что именно с подачи Маркина и получил теплое местечко советника председателя Гохрана Валера Комар.

— Интересный альянс! — воскликнул Турецкий. — А что же их свело? Какой-то бухгалтер и кремлевский служащий!

— Однажды оба они оказались в служебной командировке в далеком сибирском городе Алдане...

— И Маркин тебе об этом поведал? — недоверчиво усмехнулся Турецкий.

— А почему бы и нет? Говорю же, мы в одном дворе выросли. И никогда врагами не были.

— Вероятно, именно в это время Валерий Комар занимал должность главбуха на заводе «Кристалл»? — задумчиво сказал Турецкий, и Кротов заулыбался.

— Ну вот видишь, оказывается, и сам все уже знаешь!

— А после этой встречи в командировке наш главбух неожиданно сел на стул советника председателя Гохрана? — продолжал угадывать Турецкий.

— Не сразу, не сразу, — охладил его Кротов. — Но мыслишь, Александр Борисович, в абсолютно верном направлении. Действительно, сел, но спустя полгода.

— И за эти полгода из заводской кассы исчезли сто двадцать миллионов рублей! — уже твердо заявил Турецкий.

— Ну почему же так сразу и исчезли? Нет, они были переведены на счет одного коммерческого банка.

— Была такая нужда?

— Ага. Речь шла о создании международной фирмы по торговле изделиями из драгметаллов.

— А директором той фирмы был назначен Валерий Михайлович?

— Он, — подтвердил Кротов. — Комар.

— Стоп! — сказал Турецкий. — Попробую домыслить дальше. Фирма уже не существует. Коммерческий банк сгорел.

— Но фирма была. Я даже имел честь присутствовать на открытии. Но, к сожалению, здание на Сретенке, в котором она располагалась, пошло на снос... А вот коммерческий банк действительно сгорел. Хотя и не сразу.

— А знаешь, Алексей Петрович, что я тебе скажу? Твой детский приятель и в самом деле не дурак.

— А я про что? — весело согласился Кротов. — Между прочим, кое-кто считает его одним из наиболее толковых наших экономистов.

— И кто же?

— Ну, к примеру, доктор экономических наук Эдуард Эдуардович Штиль.

— Фамилия мне ничего не говорит, — подумав, ответил Турецкий.

— А он между тем очень большой человек. Мозг, теоретик движения! Ну как тот старый анархист Аршинов у Махно, так и он у Отца — Коновалова. Хочешь познакомиться?

— Возражений-то нет, но лучше бы все-таки с твоим товарищем детства.

— С этим проще. Познакомишься в собственном кабинете. Когда будешь его допрашивать.

— Чего-то ты не договариваешь, Алексей Петрович... — помедлив, заметил Турецкий.

— Или мне кажется? Нет?

— Я говорю лишь о том, в чем твердо уверен. А домыслы, тебе известно, не по моей части.

— Меркулов мне сказал, что Комар знал Боярова еще по Афганистану. Это так?

— Больше того, гордился этим знакомством.

— А он был вхож в дом Бояровых?

— Не думаю. По-моему, Елена Юрьевна на дух не переносила Комара.

— Но ведь Бояров, так или иначе, оказался замешанным в историю с пропавшими драгоценностями. Не Комар ли тут летал рядом?

— Все может быть, — неохотно ответил Кротов, пожав плечами. — Валера вообще-то парень компанейский. Без мыла в задницу залезет. А Николай Андреевич, по старой армейской привычке, и выпить, и закусить мастер. По пьяни всякое могло случиться. Но ты сам подумай: чем мог рисковать Бояров? Ну попросил его советник председателя Гохрана посодействовать, это преступление? Напротив, доброе дело для государства. Никакого криминала не вижу. Вот так, дорогой ты мой Александр Борисович!

Турецкому показалось, что Кротов устало вздохнул, сдерживая зевок, и как бы мельком глянул на часы.

— Спешешь? Я задерживаю? — спросил он.

— Ждут, — кратко ответил Алексей Петрович.

— Ну так на чем порешим?

— А разве мы уже не порешили? — улыбнулся Кротов. — Я в отпуске. Думаю, Константин Дмитриевич сумеет уладить все свои вопросы с Денисом Андреевичем, моим непосредственным шефом. А может, он захочет вообще привлечь тебе в помощь нашу «Глорию». Пути начальства неисповедимы. А у нас как раз нынче мертвый сезон. Вот давай и предоставим им двоим возможность решать. Мое отношение к проблеме я тебе изложил, готов соответствовать.

— Приятно с тобой работать, Алексей Петрович, — улыбнулся, прощаясь, Турецкий.

— Взаимно!..

3

Когда начальнику МУРа генерал-майору милиции Вячеславу Ивановичу Грязнову сообщили об убийстве в отеле «Метрополь» американского гражданина Уолтера Макклина, он недовольно пробурчал:

— МУР-то здесь при чем? Американец? Вот и пусть бегают чекисты.

И с чувством полнейшего собственного достоинства положил трубку.

Но короткое время спустя снова позвонили:

— Товарищ генерал, майор Самохин докладывает!

— Слушаю, Николай.

— Убитый-то, оказывается, никакой не Уолтер и не Макклин. Наш это человек — Левон Аракелян. Не вспоминаете?

— А ты не ошибся?

— Товарищ генерал, мы же вместе его брали! Помню я его наколочки.

— Но у него же брат-близнец имеется. Жорж его зовут.

— Так точно! Только у Жоржа на ногах все пальцы в целости, а у нашего трупа не хватает мизинца на левой ноге.

— Тогда жди, Николай, выезжаю.

— Товарищ генерал, на всякий случай, для страховки, захватите с собой «пальчики» Левона. И еще деталь. На груди покойника шкатулочка лежит.

— Открыл?

— Не утерпел, уж больно затейлива!

— Ну и что в коробочке этой? В шкатулке-то?

— Сказка! Ни словами сказать, ни пером описать!

— Короче, сказочник!

— Золотая диадема, товарищ генерал, — понизив голос, сообщил Самохин. — С камушками...

— Звонишь из номера?

— Так точно.

— Один там?

— Трое. Но это мои ребята.

— Ладно, не сильно разорайся. Никого не пускать и ничего пока больше не трогайте. Еду.

— Четвертый этаж, Вячеслав Иванович, номер четыреста шестнадцатый...

По пути в «Метрополь» Грязнов с удовлетворением подумал, что он сумел вовремя принять решение и заменить во всех значных отелях молодых и самоуверенных сотрудников на более опытных, выдавших виды оперов. Словно предчувствовал, как избежать естественных проколов. Молодежь пока еще дойдет до понимания, а профессионалы типа Самохина того же не подведут. Вот так оно и получилось.

Братьев Аракелянов Грязнов сажал дважды. Впервые брал их в Армянском переулке, в квартире известного коллекционера картин и древних икон, а ко всему прочему картежника-любителя, которого братишки обыграли вчистую. Когда оказалось, что коллекционер не может расплатиться, партнеры по карточной игре, угрожая ножом, заставили хозяина отдать им все свои раритеты, в десятки раз превышающие проигранное им.

Сели тогда братишки, но ненадолго. А выйдя на волю, вскоре снова попались. На этот раз на подделке ордена Андрея Первозванного. Но что удивительно, даже хозяин ордена не смог сразу определить фальшивку. Около года продолжал любоваться талантливой копией. Раскусили подделку эксперты, когда хозяин, чуя приближение кончины, собрался подарить свою коллекцию государству, Историческому музею завещать. Дело это по всем признакам

было глухое, но тут сыграл свою роль Алексей Петрович Кротов. Он и вывел следствие на Жоржа Аракеяна. И снова братья отправились на нарты.

К Левону Грязнов относился безо всякого уважения. Мошенник — он и есть мошенник, пусть даже и высокого класса. А вот к Жоржу испытывал невольное уважение. После первой ходки Грязнов даже познакомил его с кремлевскими ювелирами, пытаясь наставить на путь истинный. Но потом узнал, что Жорж, увидев их работы, лишь усмехнулся и молча двинулся к двери.

Вторично братья вышли на свободу по амнистии, и следы их быстро затерялись в смутных годах приватизации и стремительного рывка к капитализму. Грязнов знал только, что братья быстро разбогатели, рванули за рубеж и растворились в кварталах Брайтон-Бич в Нью-Йорке. И вот спустя почти десяток лет один из братьев всплыл таким странным образом. Да еще под чужой фамилией. Но, к сожалению, с ним уже не поговоришь, как когда-то, за честную жизнь...

Дверь номера открыл Николай Самохин.

Тело Левона лежало на столе в луже загустевшей крови. Голова была просто приставлена к туловищу. Шкатулка тонкой и изящной работы по-прежнему находилась на груди покойного.

Грязнов взглянул в мертвое лицо, которое было совершенно чистым, без кровинки.

— Ты чего, мыл, что ли, его? — нахмурился Грязнов.

— Никак нет! — отозвался Самохин. — Так было. Аккуратно работали. Профессионально. И, похоже, не спешили.

— Почему в пижаме?

— Так еще ночью порешили.

— Понятно. Полагаю, и ты, Николай, тут времени не терял, — сказал начальник МУРа, садясь у окна и закуривая. — Рассказывай.

— В десять тридцать утра дежурной по этажу позвонил водитель «ауди», которую арендовал в Москве Левон Аракеян...

— Ну для дежурной-то он все-таки был мистером Макклином, — поправил оперативника Грязнов.

— Виноват. Позвонил и сказал, что ожидает мистера Макклина, заказавшего машину на десять тридцать. Шурочка попросила его не беспокоиться и обождать...

— Шурочка, надо понимать, дежурная? — прищурился Грязнов.

— А что, плохое имя?

— Я так не думаю. Слушай, а это не та симпатяга, что была с тобой на концерте в нашем клубе?

— Та самая, — слегка смутился Самохин.

— Я ж говорю, симпатичная девушка. Ну дальше?

— Минут через пятнадцать водитель перезвонил и сказал, что вообще-то мистер Макклин — мужик пунктуальный и такого, чтоб он опоздал хоть на минуту, еще не было. Шурочка, естественно, пошла в номер... Дверь была не заперта. Не закрыта на защелку... Вот и все. Чего еще рассказывать? Поглядела, схватила за голову — и ко мне.

— К кому ж еще-то! — буркнул Грязнов. — Конечно, к тебе. А от тебя куда?

— К администратору. Инструкция обязывает. А я — на телефон и в МУР. Дежурному. Чтоб вам, значит...

— Понятно... — Грязнов и сам теперь увидел свою ошибку. Просто дежурный доложил не очень внятно, вот и не сообразил. — Шурочка показания свои уже подписала?

— А то как же!

— Где она сейчас? Я проходил — никого не заметил.

— Так в медпункте. Зрелище все-таки не для слабонервных.

— С непривычки и у мужика башка кругом пойдет, — поморщился Грязнов, искоса поглядывая на труп на столе. — Поддай-ка шкатулочку... Ты поглядел, я тоже хочу... Н-да...

Пооди, не на один миллиончик тянет. В «зеленых». — Грязнов тяжело вздохнул. — Ладно, вызывай дежурную оперативно-следственную группу.

— Вы «пальчики» Аракеляна прихватили?

— Сейчас подвезут.

Грязнов вышел в соседнюю комнату и снял телефонную трубку.

— Привет, Константин Дмитриевич, узнал?.. Ну так вот, он самый. Ключуло. Ключуло, говорю! Я твой список при себе всегда ношу. Считаю, одна из вещей у меня. Первая в списке... Не бойся, у меня как в сберкассе! Хо-хо-хо! Не все же банки коммерческие! Приеду.

Вернувшись в гостиную, где лежало тело Аракеляна, Грязнов некоторое время смотрел на него, потом обернулся к Самохину:

— А ты что скажешь, майор?

— Разборка, Вячеслав Иванович.

— Кого — понятно. С кем?

— А с чеченцами.

— Ну вот тебе! Чуть что — сразу чеченцы!

— Так ведь строгая работа. По ритуалу.

— А за что?

— Могли быть долги по старым авизо. Народец-то упрямый.

— Барахлишко проверил?

— Все, похоже, на месте. Деньги, документы, ключи, сигареты, зажигалка... Золотая, между прочим.

— Золотая зажигалка? Плюс золотая диадема с камушками. Опять же деньги в бумажнике из крокодиловой кожи, документы...

— А ведь точно! — улыбнулся опер. — Бумажник из крокодила. Как догадались?

— Миллионеров без крокодилового бумажника, Коля, не бывает. Или почти не бывает, — ухмыльнулся Грязнов. — Значит, уверен — чеченцы?

— А больше некому!

— И много их в «Метрополе» проживает?

— Семнадцать человек.

— Да... Чтобы справиться с Левоном, более чем достаточно. А ты, Николай, когда-нибудь видел, чтоб чеченец не взял денег, золотую зажигалку, не говоря уж о крокодиловом бумажнике?

— Не приходилось, — помолчав, смущенно ответил Самохин.

— Мне тоже не приходилось. Добавь, что они не только ничего не взяли, но еще оставили для нас с тобой подарочек, о котором ты сам уже прекрасно выразился: ни словами сказать, ни пером описать. А?

Самохин в ответ лишь гулко кашлянул.

— Значит, поступим так. Приготовь мне список всех зарубежных граждан-мусульман, проживающих или уже проживавших в гостинице. Это первое. А второе... Вот эту шкатулочку ни ты, ни твои ребята даже в глаза не видели. Почудилось вам. Примстилось, понял, Коля? А я ее с собой заберу. Что-то подсказывает мне, будто эта шкатулочка может увести нас совсем в другую сторону. Я тут посоветуюсь с одним умным человеком, и мы решим, что делать с ней дальше. А пока вы ее не видели, понял?

— Так точно. Нам всем троим примстилось, — серьезно ответил Самохин.

— Водителя «ауди», надеюсь, не отпустили?

— В дежурке. Чай гоняет с моим Мишей Сироткиным.

— Буду в дежурке. Если что, там и найдешь...

Водитель имел непосредственное отношение к органам — это Грязнов определил с первого взгляда. Молодой, крепкий парень с простоватым лицом и чрезмерно внимательными глазами.

Вячеслав Иванович представился первым, протянул парню руку. Тот пожал и сказал:

— Платонов. Можно просто Вадим.

— Я прекрасно понимаю, Вадим, что вы мне будете рассказывать лишь то, что посчитаете нужным, но хотелось бы сразу, чтоб не терять времени, найти общий язык.

— Не понял, — улыбаясь, ответил парень.

— А чего ж тут не понять? На вашу работу просто так, со стороны, не берут. Требуется проверка.

— Вы имеете в виду медицинское освидетельствование?

— Прекрасно знаете, о чем я говорю, — вздохнул Грязнов. — Ну ладно, давайте пока отвечать на вопросы.

— Спрашивайте.

— Когда вас прикрепили к этому Макклину?

— Как только поступила заявка. Возил его четыре дня. Сегодня — пятый. Но он так пока и не вышел. Вот и жду сию. Попросили не уезжать.

— Далеко возили?

— В разные места.

— Рестораны? Казино?

— Лично я не подвозил. Мое рабочее время — восемь часов. С девяти до семи.

— Ошибочка выходит, Вадим. Десять часов получается. Вы плохо считаете?

— А разве у вас нет обеденного перерыва?

— Есть. Один час. А у вас два?

— Работа тяжелая, — криво усмехнулся парень.

— Разве что... А что это за разные места? Не уточните?

— Армянский переулок, дом четыре... Кутузовский, шесть... Армянское кладбище... что напротив Ваганьковского, в курсе?

— Знаю. Еще?

— А еще за город ездили.

— Куда?

— В Жостово.

— Любопытно, — улыбнулся и Грязнов. — Армянский переулок, Армянское кладбище... А обедали тоже в армянском ресторане?

— Угадали.

— А с чего это американца явно ирландского происхождения Уолтера Макклина вдруг потянуло на армянскую кухню, не думали?

— У каждого свой вкус, — пожал плечами водитель.

Грязнов вздохнул и стал говорить ему «ты», что Вадим сразу заметил, но не отреагировал.

— Я бы, дорогой ты мой, с удовольствием и дальше поиграл с тобой в кошки-мышки, да времени мало. Мне, может, стоит позвонить... ну, скажем, генералу Федоскину Сергею Ивановичу, чтоб сократить момент притирки? Как считаешь?

Парень пожал плечами, помолчал и спросил:

— С мистером Макклином что-то случилось?

— Убит в номере.

— Бывает, — резонно заметил Вадим. — У меня было ощущение, что с ним может что-то произойти.

— Были причины?

— Разрешите позвонить моему непосредственному начальнику?

— Валяй, — Грязнов кивнул на аппарат.

Вадим набрал номер:

— Анатолий Федорович? Платонов говорит. Я нахожусь в дежурной комнате «Метрополя». Со мной беседует начальник МУРа генерал Грязнов... Да, произошло. То самое, о чем мы говорили. Нет, не знаю. Передаю. — Вадим протянул трубку Грязнову: — Вот, пожалуйста.

— Твой начальник полковник Бабенко? — спросил Вячеслав Иванович, зажимая мембрану ладонью.

— Так точно.

— Ну вот, наконец-то передо мной не мальчик, но муж! — хмыкнул Грязнов. — Привет, Толя... Да что ты, отличный парень. Ну конечно, раскусил! Делов-то... Не по телефону, Толя... Это хорошо, что понимаешь. Поэтому просьба: наставь, пожалуйста, своего подчиненного на путь истинный. Давай, до встречи!

Грязнов передал трубку парню, тот выслушал свое начальство и коротко ответил:

— Слушаюсь!.. Полковник наставил меня на путь истинный, — добавил не без ехидства.

— Прекрасно. Начнем с того, чем кончили. Так откуда у тебя возникло нехорошее ощущение?

— Во-первых, мистер Уолтер Макклин не тянет на истинного американца. Скорее всего, он чистокровный армянин, причем из наших.

— Армянский переулочек, Армянское кладбище, армянская кухня — поэтому?

— Не только... Внешность, повадки, сильный акцент — не иностранный, западный, а именно армянский. Ну и другие мелочи... Во-вторых, он заметно нервничал. Например, останавливаемся мы в Армянском, у дома четыре, а он идет к черному ходу. Через двор.

— Какую квартиру он посещал, не удалось узнать?

— Такие задачи перед водителями не ставятся, — снисходительно заметил Платонов. — Но я случайно узнал. В доме скончалась пожилая армянка. Фамилии не знаю, но звали Софья Ираклиевна.

— Этого достаточно, — удовлетворенно произнес Грязнов. — А случайность — та же закономерность. Точнее, ее диалектическая противоположность, и друг без друга они существовать просто не могут. Мысль понятна?

— Да какая закономерность! — засмеялся Платонов. — Случайно подслушал разговор двух армян у табачного киоска, когда сигареты покупал.

— А я что говорю! — обрадовался Грязнов. — Не получи ты задания от полковника Бабенко — не волновался бы и сам, когда нервничал твой армянин, а не волновался бы — не курил много. Когда много куришь, быстро сигареты кончаются, вот и пришлось идти к киоску, а не стой ты у киоска в Армянском переулочке, не услышал бы разговора местных жителей. Логично?

Парень только головой крутил, выслушивая построения Грязнова.

— Вообще-то нехорошее предчувствие у меня появилось после его поездки в Жостово. Утром он был мрачен, как никогда.

— Тебе надо объяснять, какие люди проживают в жостовских особняках? И к кому же там вы приехали?

— А я в самом поселке не был. Машину остановил в лесу, не доезжая с полкилометра примерно. Там его джип ожидал. Он пересел и уехал, а мне велел возвращаться в Москву.

— Что ты и сделал?

— Ага.

— А утром он, значит...

— Да, в девять утра, как обычно. Мрачный! Злой!

— Может, с похмелья?

— Так это само собой. Но похмелье он быстро гасил. Мы заскакивали в район Белорусского вокзала. Там, на Лесной, есть такой подвальчик — «Цахкадзор» называется. Его там знают. Рюмочка, хаш — и он готов к боевым действиям!

— И куда вы в тот день отправились? Где сражались-то?

— А на Ленинградский, в аэровокзал.

— Где мистер Макклин заказал билеты в Нью-Йорк?

— Точно! — восхитился наконец парень провидческими способностями генерала милиции.

Хоть и пустяки, в сущности, а все-таки приятно было Грязнову.

— А еще что можешь добавить? Не про тот день, а вообще...

— Когда начал с ним работать, в первый же день, он сел в машину вот с такой бабой! — Платонов показал большой палец. — Но мне такие не нравятся.

— Дорогая телка? — догадался Грязнов.

— Вот именно что телка. Шалава из тех, что... интердевочки. Видели кино?

— Ну да, валютные проститутки. Красивая, говоришь? Поди срисовал?

— А то! Высокая, стройная, ноги от подбородка! Густющие каштановые волосы, а глаза голубые такие, будто в тумане. На шее монисто из старинных монет, а на пальцах перстни — чернь по серебру.

— Монеты тоже серебряные?

— Ага. Шикарная баба. Дорогая — это точно!

— Макклин называл ее по имени?

— Не, ни разу. Как-то по-армянски — ахчик, что ли?

— Ну да, девушка, значит... А вы с ним по-русски говорили? Ты, часом, не поинтересовался, почему этот американец хорошо и чисто говорит по-русски?

— Не то чтоб интересовался, но сказал, что мне удивительно от американца слышать правильную русскую речь.

— А он?

— Если бы, говорит, ты поработал с мое с русскими дипломатами, глупых вопросов не задавал бы... Вот теперь все.

— Отлично, — потер ладони Грязнов и пожал парню руку. — Передавай привет своему полковнику.

— Я свободен?

— Конечно! Если понадобится, уж не обессудь, пригласим как свидетеля. Отдыхай!

В номере, куда вернулся Грязнов, заканчивала работу оперативно-следственная группа.

— Сошлись «пальчики»-то! И фотография его в дактилокарте один к одному, — встретил его Самохин. — Точно! Левончик Золотые Ручки! Так мне эксперт-криминалист сказал, хотя точно экспертиза покажет.

— Но на бокалах, кофейных чашечках и еще кое-где обнаружены отпечатки пальцев еще одного лица.

— Женского, Коля.

— Эксперт-криминалист тоже так считает. Хотя по «пальчикам» не определишь, мужчина это или женщина. А вы откуда знаете?

— Ты мне вот что скажи. За полгода хорошо изучил контингент местных валютных проституток?

— А чего их изучать? Они всегда на виду!

— Тогда ищи высокую шатенку с голубыми глазами, у которой на шее монисто из старинных серебряных монет.

— Так это ж Лыткина! Элина, кличка Золушка.

— Почему Золушка? — удивился Грязнов.

— Детдомовская...

— Вот найди Золушку иними у нее «пальчики». Наверняка сойдутся. А списочек ты мне подготовил?

Самохин молча кивнул на стол, где лежал исписанный лист бумаги.

— Резвятся в столице-матушке братья мусульмане! — заметил Грязнов, просматривая список. — Ты гляди! Сирия, Марокко, Эмираты...

— Двадцать восемь человек! В семнадцать ноль-ноль, Коля, данные обо всех мне на стол.

— Будет сделано, Вячеслав Иванович.

— Не прощаюсь!..

4

Забот у начальника МУРа, как известно, более чем достаточно. Однако убийством Левона Аракеляна Грязнов решил заняться сам. Обостренное чутье сыщика говорило ему, что золотая диадема может вывести в такие высокие кабинеты, куда простому сыскарю и не мечтать попасть...

Кое-что проясняло и установление личности убитого. Тут, правда, Самохин не совсем прав: золотые ручки все-таки не у Левона, а у его брата — Жоржика. Вот так будет справедливо.

И наконец о диадеме. Подлинник это или подделка, покажет экспертиза. Но поскольку она оказалась в руках убийц и демонстративно положена на обезглавленный труп, значит, в этом акте имеется определенный смысл. Который и предстоит разгадать...

Садясь в машину, Грязнов сказал водителю:

— Давай-ка подскочим в Армянский переулок, дом четыре... — Потом подумал и добавил: — Но через Генпрокуратуру.

И решил: это будет правильно, сперва надо поставить в известность Костю Меркулова. Что-то он, помнится, говорил про Гохран. Даже списочек каких-то ценностей давал. А где этот списочек? На работе, естественно, карманы и без того всякими бумажками забиты... Взглянуть, не из того ли списка?

— Давай-ка сперва к нам, — снова переориентировал Грязнов водителя. Тот послушно кивнул...

Константин Дмитриевич, лишь взглянув на диадему, лежащую на черном бархате в затейливой шкатулочке, многозначительно хмыкнул и уставился на Вячеслава Ивановича.

— Н-да-а... — протянул он. — Ну докладывай...

— Убийство произошло ночью. Судмедэксперт уточнит при вскрытии время убийства. Личность убитого установлена — Левончик Аракелян. На столе лежал в исподнем. Голова отдельно. Фотографии тебе подвезут. Еще шкатулочка. Ничего не искали, ничего не взяли — сделали свое дело и отвалили. Труп был обнаружен дежурной около десяти утра. Меня вызволил один из моих гостиничных кадров. А потом мы вызвали дежурную группу. Вот, собственно, и все, Костя. Детали уточняю.

— Эту штучку, — сказал Костя, укладывая диадему в шкатулку, — передайте экспертам. Постановление о производстве экспертизы Турецкий составит. Дело ему поручим. А ты перезвони попозже. Или заезжай часика через два-три.

— Я тебе и без эксперта скажу, что это фальшивка, но сделана профессионально. Даже талантливо. А по дороге к тебе заскочил на Петровку, взглянул в тот твой списочек. Интересно! Штучка-то, получается, из Гохрана. Я имею в виду оригинал.

— Узнал, значит? — улыбнулся Меркулов. — Что же, выходит, эту подделку для нас специально оставили?

— А то для кого же! Чтоб, значит, не дремали! Шила-то в мешке не утаишь! Вот и намекнули: вы, мол, ребята, поди, и сами не знаете, что у вас национальное достояние разворовывается. Да ладно бы еще на дело шло! А то оригиналы-то уводят, а подделками пробуют торговать. Кидалы вы, получается, ребята!

— Ну уж прямо и так... — нахмурился Меркулов. — Ты мне фотики побыстрей подошли.

— Потороплю, — сказал Грязнов, поднимаясь. — Поеду дальше.

— Куда, если не секрет?

— Вещицы искать, Костя, — улыбнулся Грязнов. — Разреши твоим телефоном воспользоваться? От тебя у меня секретов нет.

Грязнов набрал номер, подождал.

— Сазонов? Привет, Грязнов говорит. Скажи-ка мне, Володя, в какой квартире по адресу Армянский, четыре, проживала умершая несколько дней назад Софья Ираклиевна? Я подожду... Молодец, капитан! Ладно, не скромничай, достоин... Я подъеду и все тебе объясню...

Он положил трубку и сказал Меркулову:

— Если все участковые станут работать как раньше, гарантирую полный порядок!

— Жду тебя к двадцати ноль-ноль.

— Буду...

Участковый встретил Грязнова возле четвертого дома по Армянскому переулку. Генерал пригласил его в машину.

— Рассказывай, Володя.

— Умерла Софья Ираклиевна ровно неделю назад. Проживала одна, но квартира оформлена на внука, Нелли Гаспарян. А сыновья Софьи Ираклиевны проживают в Соединенных Штатах.

— И что, даже не приехали на похороны матери?

— Сведений таких не имею, Вячеслав Иванович. Зато прилетела внучка — Нелли.

— И где она сейчас?

— Вероятно, дома. В смысле в квартире.

— Она-то откуда прилетела?

— Так тоже из Америки. Об этом и речь.

— Давай-ка теперь, Володя, поподробнее, — оживился Грязнов. — А где папа и мама девушки? И кто они такие? По какой причине девушка оказалась в Штатах? Ну, словом, все, что тебе известно об их семействе.

— Отец Нелли — Гаспарян Гурген Аршакович, всю жизнь проработал на дипломатической службе. Мать — Грета Варгановна, занималась переводами книг с английского и французского. Говорили, что была очень известной переводчицей.

— Была?

— Ну да. Ведь ни отца, ни матери у Нелли уже нет.

— Умерли они хоть своей смертью?

— Гурген Аршакович скончался от сердечной недостаточности, а его супруга — от тоски, видать. Сильно переживала.

— И значит, племянницу, надо понимать, увезли в Штаты ее дяди?

— Выходит, так.

— На похороны родственника и своей сестры братья, надеюсь, приезжали?

— Гургена Аршаковича не хоронили, это точно, а у сестры присутствовали.

— Хорошо работаешь, Володя, — улыбнулся Грязнов.

— Ну что касается Гаспарянов, тут особый случай, — признался участковый. — Мой старший сын брал уроки английского у Греты Варгановны, поэтому, можно сказать, на глазах... Других-то я знаю хуже.

— Давай зайдем к внучке. Надо познакомиться, — закончил разговор Грязнов, выбираясь из машины.

Нелли оказалась очень симпатичной стройной девушкой с большими темными глазами. Она взглянула явно обеспокоенно, увидев знакомого участкового, а с ним крупного грузного мужчину с редющей рыже-седой шевелюрой. Оставив дверь открытой, она, ни слова не говоря, ушла в комнату, где села в кресло.

— С характером девушка-то! — заметил Грязнов. — Ну пойдем, раз не гонят.

— Здравствуй, Нелли, — заходя в гостиную, сказал участковый.

— Здравствуйте, дядя Володя.

— Извини, но я к тебе гостя привел...

— Вы тоже из милиции? — Она подняла глаза на Грязнова.

Тот кивнул. Обернулся к участковому:

— Спасибо, Володя, свободен. — И когда капитан вышел, аккуратно притворив за собой дверь, продолжил: — Из милиции, Нелли.

— И занимаете важный пост?

— Ну... скажем так, немалый. Разве заметно?

— Заметно. Дядя Левон жив?

А вот такого поворота Вячеслав Иванович никак не ожидал. Он потянулся в карман за сигаретами, остановился, огляделся.

— Простите, Нелли, у вас здесь как? Курят?

— Можете. Пепельница на серванте. Ну я жду ответа!

Грязнов закурил, глубоко затянулся и наконец сказал:

— Вы спрашиваете, жив он или нет. Отвечаю: нет. К сожалению...

Ни одна жилка не дрогнула на лице Нелли, лишь еще больше потемнели глаза.

Она раскрыла московскую адресную книгу, лежащую на серванте, достала из нее авиационный билет и протянула Грязнову.

— Сегодня мы должны были улететь в Штаты...

Грязнов посмотрел билет.

— Но самолет давно уже в воздухе. Вы-то почему не улетели?

— Ждала звонка от дяди Левона. И потом, как бы это я могла улететь без него?.. Но я почувствовала... я даже знала, что с ним что-то должно было случиться.

— Давайте наконец познакомимся. Меня зовут Вячеслав Иванович.

— Нелли Гаспарян. Впрочем, вы и сами знаете. Какое у вас звание?

— Генерал-майор милиции.

— А пост какой занимаете?

— Начальник Московского уголовного розыска... Может, кофейком угостите?

— К сожалению, в доме только растворимый.

— Я бы не возражал...

За кофе, который оказался совсем неплохим — крепким во всяком случае, — понемногу разговорились, хотя Нелли отвечала неохотно. Видно, известие о смерти дяди, хотя она и ожидала нечто подобное, девушку все-таки подкосило.

Отец ее, как уже немного знал Грязнов, долгие годы работал во Франции и Англии, руководил торговыми представительствами. После крушения Советского Союза его отозвали из Лондона. На короткое время в отношении него велось следствие — обвинялся в злоупотреблениях. Хотя все закончилось в общем благополучно для него, нервы потрепали основательно. Что быстро сказалось на здоровье. Сломался человек, не вписавшись в новую, «демократическую» жизнь, и умер от инфаркта.

Мать не перенесла ухода мужа, и, чувствуя приближение собственной смерти, Грета Вартановна посвятила наконец дочь в семейную тайну. Оказывается, в Америке проживают ее родные братья — Левон и Жорж, которые соответственно являются дядями Нелли. Оба они закоренелые холостяки, люди достаточно богатые, имеют собственную фирму. В случае беды Нелли может немедленно к ним обратиться за помощью.

Для Нелли это была новость. Она никогда ничего не слышала о своих американских родственниках — ни от родителей, ни от бабушки Софьи Ираклиевны. А причина оказалась проста: до отъезда за границу оба дяди вели жизнь весьма предосудительную, и семья Гаспарянов не поддерживала с ними решительно никаких отношений. Но теперь братья Аракеяны вроде бы остепенелись, стали солидными бизнесменами.

Когда Грета Вартановна умерла, Нелли не решилась сообщать об этом в Америку. Но нашли добрые люди и позвонили. Братья немедленно нагрянули в Москву. Взяли на себя все

издержки по похоронам, приватизировали на имя единственной своей племянницы квартиру в Армянском переулке, положили на ее имя солидную сумму в коммерческом банке и высказали серьезное предложение. Они позвали Нелли и Софью Ираклиевну переехать на жительство в Штаты. При этом сохранялись и российское гражданство, и московская прописка. Впрочем, Нелли при ее желании они могли устроить и американское гражданство с возможностью учиться в престижном колледже. Матери же достаточно было и вида на жительство. Но Софья Ираклиевна категорически отказалась, а вот Нелли согласилась.

— И долго вы прожили в Штатах? — поинтересовался Грязнов.

— Больше двух лет.

— Понравилось?

— Очень.

— Тогда, если не возражаете, Нелли, вернемся к началу нашей беседы. Почему у вас возникли тяжелые предчувствия относительно дяди Левона?

— Вы английский знаете? — в свою очередь спросила девушка.

— К сожалению... — печально сказал Грязнов и отрицательно покачал головой. — Мне, милая моя, больше приходится «по фене ботать».

— Это что-то блатное?

— Вот именно... Такая уж работа.

Нелли вышла в другую комнату и принесла красочный журнал на английском. На обложке красовалась уже известная Грязнову диадема.

— На восемнадцатой странице... — вздохнула девушка.

Грязнов полистал и увидел фотографию на целую журнальную полосу: на зеленой траве аккуратно подстриженного газона лежал убитый господин. На вопросительный взгляд Грязнова Нелли ответила:

— Это мистер Леонард Дондероу. Исполнительный директор той фирмы, которую основали мои дяди. Вот вам и ответ на ваш вопрос.

— Вы не могли бы хоть вкратце пересказать мне содержание статьи?

— А вы возьмите этот журнал с собой, переводчики, надеюсь, найдутся...

— Спасибо, но хотелось бы сейчас... Вдруг вопросы возникнут, на которые сможете ответить только вы?

— Речь идет, — неохотно начала девушка, — о залоге драгоценностей из России на сумму более двухсот миллионов долларов. Этот залог отправлен в Штаты правительством России в качестве гарантии за крупную валютную инвестицию из американского банка. Однако в банковские сейфы драгоценности так и не были доставлены. А договор в Москве подписывал именно мистер Дондероу. Если коротко...

— А где вы живете в Америке? В Нью-Йорке?

— Да, на Семьдесят второй стрит. В Верхнем Ист-Сайде. Правда, сейчас квартира пустует — мы переселились в виллу на Манхэттен-Бич.

— Давно?

— Месяца три назад.

— А этот мистер Дондероу бывал у вас там?

— А как же!

— Хороший человек? Как на ваш взгляд?

— Что значит — хороший? Такого понятия у нас, в Штатах, нет. Он был человеком дела. Говорят, подавал надежды как финансист.

— А сколько вам лет, Нелли? Не смущайтесь, я не хочу вас ставить в неловкое положение дамы, скрывающей свой возраст, — с улыбкой заметил Грязнов.

— И не думаю. Двадцать, но какое это имеет отношение?..

— Я подумал, меньше. Оказывается, вы совсем взрослый человек. Теперь мне понятно, почему вы так быстро акклиматизировались в Америке и усвоили их нравы.

— Вы забываете, что я изучаю юриспруденцию!

— Тогда вопрос будущему юристу, — улыбнулся Грязнов. — Что, неладно было в королевстве под вывеской «Голден»? Нечисто?

— Да уж какая чистота, если убивают директора?!

— Не только. Еще и одного из основателей королевства — Левона Аракеляна. А Жорж Вартанович так и не появился в Москве? Я имею в виду — на похоронах вашей бабушки Софьи Ираклиевны?

— Он остался в Штатах.

— Странно, не правда ли? Не прилетел, чтобы отдать свой последний сыновний долг... Скрывается, не так ли?

— От вас, что ли?

Грязнов помолчал, поигрывая бровями, словно прикидывая ответ.

— Если не прилетел в такой час, значит, опасается российских властей. В том числе и меня. Мы с ним, кстати, давно знакомы, Нелли. Это просто так, к вашему сведению.

Но девушка вспыхнула, будто Грязнов в чем-то хотел уличить ее.

— Не знаю... В конце концов, у дяди Жоржа своя жизнь, а у меня — своя... Но ведь дядя Левон прилетел же! — Она с вызовом посмотрела на генерала.

— Верно. Но с чужим паспортом.

Нелли опустила голову, избегая прямого взгляда Грязнова.

— Впрочем, лично к вам какое это может иметь отношение?

— Где его убили, Вячеслав Иванович? — ушла от ответа девушка.

— В гостинице «Метрополь». Теперь это крупнейший международный отель со многими звездочками. Безумно дорогой... А кстати, почему вы сами не могли туда ему позвонить? Сидели и ждали его звонка? Зачем же такая конспирация?

— Я только что от вас узнала, где он жил...

Грязнов взглянул ей в глаза и понял, что она говорит правду. И тогда он поднялся.

— Ну спасибо вам, милая моя, за хороший кофе и разговор.

— А мне-то теперь что делать, Вячеслав Иванович? — с тревогой спросила она.

— Снова, я так понимаю, думать о похоронах. Искренне сочувствую. Бабушка... дядя...

— Я думаю, дядя Жорж может выслать самолет...

— Он так богат?

— Ну... не беден. Даже по тем масштабам.

— Наверно, он и должен сам решить, где лежать его брату. Посоветуйтесь.

— Я могу позвонить ему.

— Прекрасная мысль! И у меня тогда будет маленькая просьба: если он сам возьмет трубку, включите, пожалуйста, громкую связь. Может быть, и я смогу дать вам полезный совет. Не затруднит?

— О чем речь!

После нескольких неудачных наборов наконец удалось соединиться. Трубку поднял Жорж Вартанович. Нелли нажала соответствующую кнопку на аппарате, и в комнате зазвучал густой мужской голос с явным уже иностранным акцентом.

— Здравствуй, моя дорогая девочка! Ты хочешь сообщить мне о смерти Левона?

— Да. Но вижу, что опоздала.

— Слушай меня очень внимательно, Нелли! Сразу, как положишь трубку, немедленно бери такси и мчись в аэропорт. Билет бери на самый ближайший рейс! Ты меня внимательно слушаешь? Тебя встретят. В самолете вызовешь стюарда и дашь ему мой телефон. А дальше он будет знать, что делать, поняла?

— А как зовут стюарда?

— Какая разница! Любого вызовешь. Я всех предупрежу! Мне тут же сообщат номер твоего рейса. Все тебе ясно?

— Да ясно, только... — Нелли посмотрела на Грязнова. — А если меня не отпустят?

— Откуда звонишь?

— Из дома.

— Ты не одна? — догадался Жорж.

— Дайте, пожалуйста, мне трубочку, Нелли, — сказал Грязнов, протягивая руку. — Здравствуй, Жоржик!

Возникла пауза. Наконец Америка прорезалась:

— Что-то голосок больно знакомый!

— А ты пошевели мозгами, подумай, вспомни пятидесятые... шестидесятые... ну? Никак?

— Батюшки мои!.. Неужели Вячеслав Иванович самолично?!

— Ну!

— Тогда здравия желаю, господин генерал! — словно обрадовался Жорж.

— Смотри-ка, и это тебе известно? — засмеялся Грязнов.

— Ну все! — выдохнул бархатный голос. — Теперь я за Нелли абсолютно спокоен.

— Слышь, Жоржик, она мне сказала, что ты за Левонем можешь самолет выслать?

— Да зачем теперь самолет? Пусть Левона похоронят в Москве, на Армянском, рядом с папой и мамой. И ни о чем не надо беспокоиться, я тут распоряжусь. А к тебе, Вячеслав Иванович, по старой памяти просьба: отвези Нелли в аэропорт, а? Сам, прошу! Прямо сейчас, немедленно! Вечно благодарить буду!

— А если Нелли захочет попрощаться с родным дядей?

— Никаких прощаний! Я умоляю, Вячеслав Иванович!

Грязнов взглянул на девушку, и та решительно забрала у него трубку.

— Я прилечу после похорон, дядя, — безапелляционным тоном заявила она.

Вероятно, Жорж Варганович уже знал характер племянницы. Он лишь тяжело вздохнул и сказал:

— Хорошо, пусть сразу после похорон. Я жду звонка.

Нелли положила трубку и задумчиво уставилась в окно.

— Ну что зажурылась, дивчина? Как сказала бы моя бывшая начальница... — улыбнулся Грязнов.

— Мне страшно, — созналась Нелли.

— Я тоже думаю, что оставаться тебе одной в этой квартире не следует. Что ж, поехали!

— Куда?

— А что я могу предложить? Самое безопасное место у меня дома. Не стеснишь. Комнат много, живу один.

Грязнов ожидал любой реакции, но девушка поднялась и просто сказала:

— Поехали.

— Только... я не уверен, что у меня в холодильнике что-нибудь для тебя найдется.

— Это не проблема, — устало ответила Нелли и пошла на кухню. Открыла битком забытый провизией и бутылками холодильник, сказала, словно оправдываясь: — После поминок бабушки осталось.

— Ты много не набирай, — заметил Грязнов, увидев, что девушка собирается наполнять содержимым холодильника большой картонный ящик. — Возьми, чтоб самой пообедать, поужинать. Я-то на работе...

— Все равно никому не нужно, — вяло возразила она.

— Ну почему же! Поминать-то дядю наверняка придут!

— Вы думаете? — удивилась она.

- Обязательно придут. И уверяю — народу будет немало.
- Друзья?
- И друзья тоже... — отводя взгляд, сказал Грязнов.
- Вот уж не думала...

Вернувшись на Петровку, Грязнов обнаружил на своем столе протоколы осмотра места происшествия и осмотра трупа, а также рапорт майора Самохина.

Убийство, по мнению, судмедэксперта, произошло примерно в час тридцать ночи. В том, что убит именно Левон Варганович Аракелян, уже никаких сомнений не было. Об этом свидетельствовали отсутствие мизинца на левой ноге, наколки на теле и заключение криминалиста.

А из рапорта Самохина Грязнов узнал, что из двадцати восьми восточных граждан, проживавших в «Метрополе», четверо — из Арабских Эмиратов, утренним рейсом вылетели в Париж.

Грязнов позвонил Самохину и спросил, где Золушка.

— Ищем, — ответил Николай.

— Ну-ну, — буркнул недовольно Грязнов, — ищите поскорее!

И положил трубку, но тут же снял, потому что услышал зуммер.

— Привет! — раздался бодрый голос Турецкого.

— Здорово, — без всякого оптимизма ответил Грязнов.

— Где пропадал целый день?

— Дела-делишки...

— Начальник должен сидеть в кабинете и руководить, а не бегать, высунув язык.

— Еще что скажешь?

— Надеюсь на встречу в восемь у Меркулова.

— Ах вон оно что! Значит, нагрузили?

— А то!.. Но твои лавры мне не нужны, мой генерал! Таков приказ.

— Ну раз приказ, значит, буду в восемь...

Затем Вячеслав Иванович занялся текушкой и без четверти восемь выехал на Большую Дмитровку.

В кабинете заместителя генерального прокурора собрались кроме самого хозяина Грязнов, Турецкий, Денис и Алексей Петрович Кротов.

С объяснения причины присутствия двух последних на ответственном совещании и начал свое сообщение Константин Дмитриевич.

Он напомнил, что дело об исчезновении ценностей Гохрана, вывезенных за границу в качестве залога для валютных поступлений в Россию, уже имеет свою историю. Еще, что называется, по горячим следам оно было возбуждено Московской городской прокуратурой. Занималось им следственное управление ГУВД Москвы. Затем дело по указанию свыше было передано в ФСБ, где, как и следовало ожидать, благополучно заглохло. Впрочем, какие-то оперативно-следственные мероприятия, по утверждению руководства федеральной службы, проводились, а к расследованию были привлечены некоторые бывшие сотрудники службы, в том числе и Алексей Петрович Кротов, хорошо знавший в прошлом Аракелянов, дело, словно по чьей-то злой воле, с места не сдвигалось. Становилось ясно, что в раскрытии преступления совсем не заинтересованы некоторые лица из верхнего эшелона власти, а спецслужбы собственной активности проявлять не собираются. И больше того, могут всеми силами, которых немало, препятствовать установлению истины.

Вот это последнее соображение Меркулова и подвигло его начать, по сути, новое расследование, которое должен был возглавить Александр Борисович Турецкий. Верный человек из ФСБ, с которым удалось предварительно переговорить Меркулову, обещал ему по крайней мере не чинить препятствия в этом вопросе. А для оперативной работы Константин Дмитриевич

вич предложил привлечь «Глорию» — в помощь Турецкому. Проблема оплаты работы сыщиков была важной, но в настоящий момент не главной: и у Меркулова и у Грязнова-старшего имелись на этот счет свои соображения.

Итак, Константин Дмитриевич выдал общую информацию, которую дополнил фактурой Грязнов-старший, Турецкий и отчасти Кротов. Грязнов-младший внимательно слушал и кое-что помечал в своем блокноте, из чего Александр Борисович сделал вывод, что Костя провел с Денисом определенную работу. Ознакомились также и с текстом в журнале, переданном Грязнову Нелли Гаспарян. Содержание статьи присутствующим бегло перевел Денис. И теперь следовало подводить первые итоги, принимать какое-то определенное решение.

— Если предположить, что Левона Аракеяна прикончили граждане Арабских Эмиратов, которые нынче утром улетели в Париж, то дело об убийстве превращается в большого «глухаря», — сказал Меркулов.

— Но у тебя, кажется, иное мнение, Алексей Петрович?

— Я лишь напомню, о чем говорил: облапошен, по моим предположениям, один из шейхов — человек сказочно богатый, но при этом упрямый и жестокий. Типичный восточный деспот.

— Ну а что мы можем ему инкриминировать? Не пойман — не вор. А если убили Аракеяна наемники шейха, где мы их будем ловить? В Париже, Нью-Йорке или Эмиратах?

— В Нью-Йорке, — твердо сказал Кротов.

— Почему?

— Потому что пока еще жив Жорж Аракеян. И я не уверен, что месть данного деспота не распространится на всех Аракеянов, вплоть до седьмого колена.

— Ни фиги себе! — даже присвистнул Турецкий и с улыбкой посмотрел на Меркулова. — Значит, остановить зарвавшегося шейха возможно только где-то в районе Бродвея? В смысле изловить его киллеров! Ну что ж, я, пожалуй бы, не возражал снова прошвырнуться в Штаты.

— Перебьешься, — с приличной долей сарказма остановил его Меркулов. — Тебе пока тут колупаться. На матушке-Родине. Алексей Петрович, — повернулся он к Кротову, — ты вот давеча Саймона Нэта, приятеля своего, упоминал. Как он, на твой взгляд? Станет нам помогать? На определенных условиях, разумеется.

— С Саймоном у меня лично достаточно доверительные, если можно так выразиться, отношения. Не исключаю, Константин Дмитриевич. Надо подумать, как это все проделать... оформить.

— Ты чего, Костя, хочешь привлечь еще и ФБР к розыску убийц? — удивился Турецкий.

— Да не гони ты! — поморщился Меркулов. — Выслушай сперва до конца! Что за манера перебивать старших!

Все заулыбались, пряча при этом улыбки. А Турецкий шутливо поднял руки: сдаюсь, мол!

— Так-то оно лучше, — буркнул Меркулов и заговорил серьезно: — Мы ведь сейчас, по сути, обсуждаем два дела. Одно — это убийство американского гражданина. А второе — вопрос о необходимости розыска и возвращения в Гохран вывезенных оттуда ценностей. Получается так, что оба дела тесно связаны между собой. Но они не однозначны. В одном случае речь идет об убийстве, пусть и необычном, а в другом — о международном престиже государства. Поскольку, как явствует из публикации, дело о драгоценностях получило огласку. Так вот, во втором случае — тут я хочу еще посоветоваться с компетентными товарищами — мы, думаю, могли бы рассчитывать на серьезную помощь со стороны наших финансовых органов, крайне заинтересованных в возвращении похищенных, по существу, национальных ценностей на родину. А что касается убийства, то...

— Позволь, Костя... — вмешался Вячеслав Грязнов.

— Прошу.

— Как вы уже изволили слышать, господа, — выспренне начал генерал Грязнов, — убийство Левона явилось шоком для его брата-близнеца. Хотя они не могли не знать или не догадываться, чем история с фальшивкой может для них закончиться. Волнения на этот счет Нелли Гаспарян, предчувствовавшей, по ее словам, беду, лично у меня не вызывают двойного толкования. Наш краткий телефонный разговор с Жоржем показал мне также, что за безопасность племянницы и свою собственную он будет готов заплатить. Человек он достаточно богатый, или, как заметила Нелли, по американским меркам — не бедный. Я имею в виду прежде всего нейтрализацию убийц. Разумеется, как человек ответственный, но и скупой, я имею и некоторые свои средства для проведения всякого рода спецопераций. Но их у меня немного, говорю честно. Хотя для начала может быть и достаточно. Я к чему? Если тебе, Костя, удастся вышибить какую-то толику да я переговорю с Нелли и ее дядей по поводу розыска за рубежом скрывшихся убийц Левона, на что нашему частному сыску потребуются определенные средства, — Грязнов-старший кивнул на Грязнова-младшего, — то, полагаю, они не будут стеснены в своих возможностях. А официальную сторону вопроса придется тебе, Костя, взвалить на свои плечи. Тут, как ни крути, уровень должен быть соблюден. Да и дипломатия по твоей части.

— Я думаю, что Вячеслав прав, — сказал Меркулов после минутного раздумья. — Надо использовать все необходимые каналы, чтобы развязать Денису и его сотрудникам руки. Да вот, кстати, а чем в данный момент занимаются твои «русские волки», Денис?

И снова все заулыбались. Дело в том, что Костя вспомнил уже порядочное время назад вышедшее из употребления прозвище оперативников агентства «Глория» — Голованова, Демидова, Щербака, Агеева, которое парни заслужили еще в годы афганской войны, а затем с ним же прошли и первую чеченскую.

Вообще-то, как известно, на Кавказе «волков» хватало, начиная с их изображений на дудаевских знаменах. Но «русские волки» были вне конкуренции. За голову любого из них чеченцы обещали до пятисот тысяч баксов. А ведь это и была-то всего лишь разведрота. Правда, специального назначения.

— Мужики в полном порядке, — ответил Денис, искоса поглядев на Кротова. — А сложности — они исключительно финансового порядка. Сейчас не сезон слежки за блудливыми женами по заказу ревнивых мужей, богатенькие буратины в отпусках — на теплых морях и океанах. Есть работка по мелочам, но она не отнимает много времени. Так что мы готовы соответствовать, дядя Костя, — совсем уже по-домашнему закончил Денис, вызвав ответные улыбки.

— Прекрасно! А спросил я про твоих сотрудников вот по какой причине. Сейчас объясню... Извини, Алексей Петрович, — снова повернулся Меркулов к Кротову, — ты предположил, что настоящая диадема, то есть подлинник, может оказаться в кармане господина Боярова. Я не ошибаюсь?

— Чтобы быть более точным, скажу так: она может лежать в кармане любого миллиардера, как здесь, так и за рубежом.

— А супруга господина Боярова, Елена Юрьевна, значит, по прямой от тех самых графьев Демидовых? Это достоверно?

— Абсолютно.

— Когда Саня, — Меркулов кивнул на Турецкого, — информировал меня о беседе с тобой, я попросил кое-кого навести некоторые справочки. И вот что выяснилось. Госпожа Боярова — особа весьма экстравагантная. Будучи прекрасным хирургом, она побывала и в Афгане, и в Чечне. А теперь, по непроверенным данным, вроде бы собирается в Таджикистан, в наши воинские соединения. Ты знаешь об этом, Алексей Петрович?

Кротов отрицательно помотал головой.

— В первый раз вижу, чтоб ты чего-то не знал! — рассмеялся Турецкий.

— Я действительно не знаю, едет ли она в Таджикистан.

— Ах, только это! — разочарованно протянул Турецкий, развеселив товарищей.

— Дама она и в самом деле экстравагантная, тут Константин Дмитриевич пользуется абсолютно проверенными источниками. А что касается «волков» — вы ведь это хотели уточнить, Константин Дмитриевич? — то она не только слышала о них еще в Афгане, но и видела. Она оперировала Всеволода Голованова. Правда, было это уже в Чечне.

— Значит, думаешь, не забыла?

— Не думаю, а уверен, что нет.

— Тогда, господа сыщики, принимаем такое решение: поиск диадемы, как ключа, который откроет нам тайну остальных похищенных сокровищ, начинаем со знакомства с потомственной дворянкой Еленой Юрьевной Бояровой, в девичестве Демидовой... А тебе, Саня, предоставляется шикарная возможность припомнить свои прежние журналистские связи и организовать в прессе утечку, касаемую драгоценностей Гохрана. Кое-что по господину Боярову тут у меня найдется. — Меркулов хлопнул ладонью по желтому пакету, в каком обычно держат фотографии. — Желательно, чтобы уже завтра заинтересованные лица прочитали суть того, что нам здесь переводил Денис.

— Открываем боевые действия? — ухмыльнулся Турецкий.

— Подталкиваем... Но источник информации не разглашаем.

— «Метрополь» задействуем?

— А как же! Но шейха пока оставляем тоже при себе. В общем, что я тебе объясняю? Ты же сам работал в газете, знаешь, что можно, а что пока не нужно говорить. Так у тебя найдется надежный человек?

— Можешь не сомневаться.

— А я и не сомневаюсь, — улыбнулся и Костя. — Мне важно уже завтра иметь газетный материал.

— Работа над утренними выпусками, Костя, — Турецкий постучал пальцем по своим наручным часам, — уже закончена. Завтрашние газеты развозятся по точкам.

— Вот я и говорю: очень хорошо. Значит, завтра, в это же время кое-кто сможет прочитать свежий материал. Езжай работай, у тебя целая ночь впереди! И возбуждай уголовное дело.

Турецкий лишь покачал головой и с наигранным отчаяньем махнул рукой, вызвав смех всех присутствующих...

5

В обществе Елену Юрьевну знали как женщину с твердым характером, способную на неординарные поступки, но несколько сумасбродную. Правда, некоторые дамы готовы были окрестить ее даже и сумасшедшей. А то что со сдвигами в голове, так это без всяких сомнений. Если в какой-то степени еще можно было понять ее поступок во время афганской войны, когда она, оставив на попечение матери десятилетнего сына и двухлетнюю дочь, ринулась вслед за мужем в Кабул, в военный госпиталь, то вояж в Чечню, несмотря на строжайший запрет мужа, не лез уж вообще ни в какие ворота. Конечно, только ненормальная способна без всякой нужды так рисковать собой, своей жизнью и нервами близких.

Одна из светских дам, жена крупного финансиста, высоко понимавшая о себе, однажды во время званого ужина попыталась было мягко эдак урезонить госпожу Боярову, но, видно, не учла особенностей характера Елены Юрьевны и в ответ на свое дружески-снихождительное порицание вдруг услышала такое громкое и четкое солдатское напутствие, по сравнению с которым известный посыл на три буквы показался присутствующим при сем жалким детским лепетом.

Оскорбленная до глубины души светская дама попробовала апеллировать к Николаю Андреевичу, но была окончательно шокирована его реакцией — громким и заразительным хохотом.

При том, что Елена Юрьевна была отличным доктором, хирургом, внешность ее поражала той яркой славянской красотой, которую обожали воспевать поэты и романисты теперь уже позапрошлого века. Роскошные светлые волосы, соболиные брови, большие серо-голубые глаза и царственная походка — великая княгиня, да и только!

Помимо собственной профессии, которая у нее занимала практически все основное время, госпожа Боярова имела и маленькое хобби — испытывала слабость к словотворчеству, прекрасно при этом понимая, что никакое издательство по собственной инициативе ее литературными упражнениями не заинтересуется. Скорее, это было нечто напоминающее дневник, зарисовки о тех людях, с которыми пересекались ее пути-дороги. Или, говоря словами старого князя Николая Болконского, напутствие потомкам: «Здесь мои ремарки, после меня читай для себя, найдешь пользу».

Немалое место в ее воспоминаниях занимала военная тематика — опять-таки люди, с которыми встречалась, кого оперировала, о ком слышала в Афгане и Чечне. Среди таковых, естественно, особое место занимали «русские волки», молва о которых дошла до ее ушей еще в Афгане, но встретиться с которыми довелось в Чечне.

Она в буквальном смысле вытащила с того света командира группы разведчиков майора Всеволода Голованова — у него было очень тяжелое ранение в живот. Вспоминая афганскую войну, Елена Юрьевна пробовала расспросить выздоравливающего под ее непрерывной опекой майора, но так и не сумела выдать из него ни героических рассказов о рейдах в горах, про которые сочиняли легенды, ни вообще ничего стоящего внимания. Всеволод отнекивался, морщился, не желая вдаваться в ненужные, по его понятиям, рассказы: мол, всякое случалось.

Столь же немногословными оказались и его друзья-разведчики, денно и ночью дежурившие у медсанчасти.

Позже, после Хасавюртовского соглашения, прошел слухок, что «русские волки», за головы которых были обещаны сумасшедшие деньги, собирались пришить генерала-миротворца. Но все это оказалось очередной легендой. Хотя было известно, что «волки» так и не явились получать боевые награды из рук того генерала. И этот случай еще больше пробудил интерес Елены Юрьевны.

Вернувшись в Москву, Боярова сделала попытку отыскать майора и его друзей, но ничего из этого не вышло: словно разведка залегла на дно — прочно и надолго.

И вот однажды зайдя с одним знакомым поэтом в Дом литераторов, она увидела Голованова и не поверила своим глазам.

Тут еще требуется короткое объяснение к некоторым поступкам Елены Юрьевны. Имея достаточно средств для широкой и вольготной жизни, она предпочитала оказывать некоторую посильную помощь людям творческого труда — писателям, поэтам, художникам. Говоря современным языком, часто спонсировала непризнанные таланты: у одного приобретала картину, другому помогала издать книжечку за свой счет, третьему устраивала хороший ужин в компании таких же голодных приятелей. Особо дорого это ей не стоило, но любое благодеяние, уверена была она, все равно зачтется — не в этой, так в грядущей жизни.

Так случилось, что и на этот раз она прихватила с собой одного подающего надежды поэта. Правда, подавал он их уже более двух десятков лет, но внешностью обладал вполне поэтической, а также практически всех знал и со всеми без всякой фамильярности был на «ты». Вполне типичное цедээловское явление — от первых букв Центрального Дома литераторов.

И вот тут-то, уже немного уставшая от похвалы поэта, Елена Юрьевна увидела Севу, как звала его еще в Чечне. Он был с приятелями. Одного Боярова быстро вспомнила — невысокий, жилистый, белобрысый и синеглазый, он чаще других вертелся вокруг медсанчасти. Второй же, вальяжный и явно уверенный в себе, с красивой сединой на висках, был ей незнаком, хотя она могла бы поклясться, что где-то пересекалась с ним. Но где и при каких обстоятельствах — хоть убей, не вспомнить...

Троица присела за дальний столик, и к ним тут же подошел официант, видимо хорошо знавший кого-то из них. Разговор был почти приятельский, да и тема увлекательная — вероятно, обсуждали заказ.

Все трое были одеты у дорогого портного — уж это сразу определил наметанный глаз Бояровой. Значит, жизнь устроилась? Так надо понимать?

Елена Юрьевна задумалась и невольно пропустила момент, когда поэт ухитрился заложить лишнего.

— Шампанского! — вдруг рявкнул он, стукнув кулаком по столу.

Соседи стали оборачиваться, посмеиваться, а это совсем не входило в уже сложившиеся некоторые планы Елены Юрьевны. Она обернулась к соседнему столику, за которым лакомились фруктами два амбала, и кивнула им.

— В такси и бутылку на опохмелку, — сказала негромко.

Поэт хотел было уже привычно отключиться, но сильные руки охраны Бояровой ловко поставили его на ноги и быстро вывели из Дубового зала наружу. Никто и внимания на этот демарш не успел обратить.

Когда официант, приняв заказ, пошел на кухню, Елена Юрьевна знаком подозвала его. Тот был сама любезность:

— Слушаю, Елена Юрьевна.

— Сашенька, дружок, сообрази-ка по-быстрому три алюминиевые кружки, буханку черного хлеба, пару банок тушенки, пол-литра спирта и графин холодной воды.

— Извините, не понял? — смутился официант.

— Надо повторить? — улыбнулась Боярова.

— Нет, заказ я запомнил, память-то профессиональная. Но где мне взять алюминиевые кружки, вилки?..

— Молодец! Про вилки я как-то забыла. Ясно, Сашенька?

— Минимум полчаса, Елена Юрьевна, — снова заулыбался официант.

— Не больше десяти минут.

— Ну и ну! — вздохнул официант и рысью кинулся из зала.

В десять минут он, естественно, не уложился, но через пятнадцать минут принес поднос, накрытый белой салфеткой, и собрался с шиком представить заказ Елене Юрьевне. Она жестом остановила его.

За все время майор и его приятели даже мимолетного взгляда в ее сторону не кинули, сидели, склонив друг к другу головы, и о чем-то беседовали, не обращая вообще никакого внимания на посторонних.

Несколько обиженная их равнодушием к ее присутствию, она приподняла салфетку, посмотрела и кивнула.

— Жаль, конечно, что кружки новенькие, но... сойдет. А вот наклейки с банок и бутылки убери и вскрой их. И все это хозяйство поставь на столик вон к тем господам, которые уже сделали тебе свой заказ.

Официант оглянулся в угол зала, тоже кивнул:

— Понял. Инкогнито?

— Вот именно, Сашенька. Пусть сами догадаются от кого. А ты молчи.

Посетителей в ресторане было много, народ сидел деловой, не писательский, за богато сервированными столами. И потому на странный заказ немедленно обратили внимание.

— Вот и привет! — негромко произнес Кротов, самый вальяжный из троицы. — Чем ответим?

— От кого? — наивно спросил Голованов у официанта.

— Не приказано, — расцвел в улыбке официант Саша.

— Мужик? — предположил Филя Агеев, белобрысый и синеглазый.

— Женщина, — одними губами сказал Саша. — Но я этого не говорил.

— И не надо, — пожал плечами Кротов. — Но поскольку вы уже сделали одно доброе дело, дорогой мой Саша, сделайте и другое. Быстренько купите той женщине букет хороших роз, — и он протянул пятисотрублевую купюру. — А наш заказ, я думаю, мужики, — он засмеялся, — уже можно отменить. Но это, Саша, между нами, ты понял?

— Яснее ясного!

Через несколько минут перед Бояровой появилась ваза с семью пышными розами.

— А вот теперь ты можешь, Сева, обернуться к своей спасительнице, — негромко сказал Кротов.

Голованов не спеша повернулся вместе со стулом, широко улыбнулся и слегка поклонился.

— Мужики, — шепотом произнес Филя, нюхая бутылку без наклейки, — а ведь это спиртыга! Чистоган! Я наливаю?

— Валяй, — кивнул Голованов.

Мужчины встали, подняли кружки, приветствуя Елену Юрьевну, чокнулись и выпили. И снова сели, заговорив о своем. Боярова даже готова была возмутиться таким нахальным равнодушием к ее персоне. Она нервно постучала кончиками ногтей по бокалу, чем насторожила уже вернувшихся своих охранников.

— Это вообще уже ни в какие ворота! — проговорила она и, сделав знак амбалам: сидеть! — встала и гордо направилась к столу Голованова.

Кротов тут же предупредительно подвинул ей стул.

— Здравствуй, майор, — сердито сказала она, присаживаясь.

— Здравствуйте, Елена Юрьевна, — спокойно отозвался тот.

— А ты, смотри, совсем забурел! Не подходишь... Забыл?

Голованов лишь пожал плечами, а ответил Филя:

— Да он просто сомлел, Елена Юрьевна! Кто он, а кто вы! Жена олигарха! Это вам не баран чихал.

— Верно говорит белобрысый? — Боярова требовательно посмотрела на Голованова.

— В общем, да, — пожал плечами Сева. — Нам в Чечне не было известно, чья вы жена. А тут любой популярно объяснит, даже и спрашивать не надо. Слава впереди бежит, Елена Юрьевна!

— Налейте мне! — велела она.

— Так кружки всего три, — заметил Филя.

— А я из фужера! — Боярова так взглянула на него, что он тут же поспешил налить — почти по кромку. — Себе тоже плесните.

Выпив чистый спирт, Елена Юрьевна подставила фужер, и Филя налил ей воды — запить. И хмыкнул с уважением.

— А ведь непохожи вы, парни, на тех, кто побывал в Чечне, — задумчиво сказала она. — Солидно выглядите. Значит, оперились. Хорошо. Где работаете?

— Так... есть одна фирма... — сказал Кротов.

— Чем занимаетесь?

— Да как вам объяснить? Строим... всякое.

— Строители, значит? Неплохо. А фирма ваша как называется?

— Вам название ничего не скажет, — улыбнулся Кротов. — Но если настаиваете — «Феникс», так прежний хозяин назвал, а мы менять не стали.

— Как вас зовут?

— Алексей Петрович Кротов.

— Я нигде не могла вас видеть? Что-то знакомое...

— Лично я вас вижу впервые. — Кротов с легким полупоклоном прижал ладонь к груди. — А где вы — меня? Ума не приложу.

— Может, вы знакомый моего мужа?

— Ну что вы! — засмеялся Кротов, и товарищи подхватили его смех. — Для Николая Андреевича я слишком ничтожная фигура...

Мимо столика проходил один из амбалов. Остановился, закурил сигарету и пошел дальше.

— Ваши охранники, Елена Юрьевна, — заметил Голованов, — работают очень непрофессионально. Где вы их нашли?

— Не я, муж приставил. Один из его знакомых, из президентской администрации, посоветовал, Игорь Маркин. А я легко обходилась без них...

— И вы не боялись посещать злачные места без охраны? — поинтересовался Кротов.

— Никаких злачных мест я не посещаю, — сухо ответила Боярова. — Кроме ЦДЛ.

— Простите, я и не думал вас обидеть.

— Трите к носу и — пройдет... А вообще без охраны я, к сожалению, не бываю. До этих остолопов у меня был Митя Рябов. Молчаливый и незаметный человек. Вот с ним я себя чувствовала всегда спокойно.

— Почему — был? — спросил Голованов. — Он что же, умер?

— Нет... — улыбнулась теперь и она. — Просто он однажды вежливо попрощался со мной и ушел. И очень жаль. Причины я не знаю...

— Вот Митя и был профессионалом, если вы его не замечали, но всегда чувствовали рядом.

— Знаете что, парни? — решила Боярова. — Давайте поедem ко мне ужинать?

Голованов и Филя уставились на Кротова как на старшего.

— Если женщина просит... — развел руками Кротов. — Но как же нам быть с собственным заказом? Саша! — позвал он официанта, который в ожидании застыл невдалеке. — Понимаешь, какое дело...

— Я их забираю с собой! — решительно заявила Боярова.

— Но... расходы! — Кротов достал пятидесятидолларовую бумажку.

— Саша, считай, что за все заплачено! — Боярова сунула купюру Кротову обратно, в верхний карман пиджака.

— Ну что ж, — хмыкнул тот, — супруга олигарха может позволить себе все что угодно...

Увидев, что хозяйка с тремя мужчинами направилась к дверям, охранники быстро кинулись вперед. Один придержал дверь, пропуская, а второй, выскочив к белому «мерседесу», за рулем которого дремал водитель, стал осматриваться, нет ли где опасности.

— На сегодня вы оба свободны, — сказала им Боярова.

Вместо ответа амбал распахнул дверь машины, делая вид, что сказанное не имеет к нему отношения. Но он, видимо, еще не изучил характер своей хозяйки. Ее глаза стали свинцово-тяжелыми.

— Я не привыкла повторять свои приказы, — медленно произнесла она.

— А мне вы приказывать не можете, — независимо ответил тот. — Я на службе. И начальников у меня тоже хватает. Садитесь лучше.

— Пошел вон! — повысила голос Боярова. — И вообще, с этой минуты вы оба уволены. Марш отсюда! — И повернулась к своим гостям: — Садитесь, господа!

Сева, Алексей и Филя переглянулись и, пряча улыбки, пошли к «мерседесу».

Но когда Филя взялся за дверную ручку, его запястье перехватил второй амбал и сжал с большой силой. Филя притворно охнул и взглянул на Голованова, наблюдавшего в это время за водителем «мерседеса».

— Отваливай, — прошипел амбал, пробуя вывернуть руку Филе. — И быстро, пока я добрый...

— Валить?! Сей момент! — вдруг засмеялся Филя. — Сева, да что ж он творит? Так же ж руку можно повредить!

— Ты чего творишь, браток? — посмотрел на амбала Голованов. — Надо же соизмерять силенки! Не ровен час, обидишь человека!

И тут амбал совершил ошибку. Равнодушно-лениво окинул он прозрачным взглядом Голованова и протянул к его лицу широкую свою пятерню, как бы предлагая заткнуться. А Сева вообще не терпел подобного обращения. И через мгновение, утробно вскрикнув, амбал совершил переворот в воздухе и гулко, всей тушей, грохнулся на асфальт.

Второй охранник кинул руку внутрь пиджака, но достать оружие не успел. Постарался подошедший сзади Кротов.

Водитель «мерседеса» разъяренным быком ринулся из машины, но, сложившись пополам, сделал один кульбит, второй и едва не угодил под движущийся по улице транспорт. Филя остановил его дальнейшее движение под колеса «Газели», рванув за руку. Водитель завопил — рука его повисла плетью.

— Ах ты бедненький! — воскликнул Филя. — Сейчас мы тебя подлечим.

За здоровую руку он выволок водителя на тротуар, где уже лежали рядышком оба амбала-охранника, сказал: «Потерпи, браток!» — и резко дернул вывихнутую руку. Водитель аж взвизгнул.

— Все, не шуми, уже не больно. Я тебе ее вправил на место.

Окончательно пришла в себя брошенная охрана Бояровой, когда белый «мерседес» скрылся из глаз. Амбалы зашевелились, стали приподниматься, оглядываться.

— На кого мы напались? — ничего не понимая, спросил один. Он сунул руку под пиджак, растерянно поглядел на товарищей. — Хана, ребята, нема ствола...

— И я тоже пустой. — Второй пошарил у себя под мышкой. Посмотрел на водителя: — А тебя кто положил? Неужто тот, беленький?

Вместо ответа водитель ощупал свою правую руку, покачал ею из стороны в сторону, хмыкнул:

— Ну надо же! Аккуратно вправил. Наверняка ему не впервой...

— Ну хулиганье! Ах, хулиганье! — прошамкала оказавшаяся случайной свидетельницей происшествия старушка. — Помочь чем, сынки?

Водитель уже набрал полную грудь воздуха, чтобы громко и со вкусом послать сердобольшую дуру куда-нибудь подальше. Но вдруг улыбнулся и сказал почти ласково:

— Спасибо, бабуля, мы уж теперь как-нибудь сами...

Был, правда, еще один случайный свидетель скоротечной драки, но он не выказал никакого внимания, ибо мирно подремывал, слушая музыку из наушников, в припаркованном на противоположной стороне улицы «жигуленке». Или делал вид, что подремывал, но тогда он был бы совсем и неслучайным. Он же старательно делал вид, что происходящее у входа в ЦДЛ его абсолютно не касается...

Но когда обиженные амбалы отправились в сторону Кудринской площади, водитель «жигуленка», сняв наушники, неторопливо поехал следом...

— Что скисли, парни?! — залиvisto хохотала, сидя за рулем, Елена Юрьевна. — Ну спасибо! Давно такого спектакля я не видела! Не смеялась так!..

— Нехорошо получилось, — нахмурился Голованов.

— Да бросьте вы! Они мне уже во как надоели! — чиркнула она себя указательным пальцем по горлу. — А все-таки здорово жить на белом свете, а? Что молчите? Я будто десяток лет скинула!..

Но у мужчин, сидящих в «мерседесе», в принципе никаких оснований для особой радости не было...

Дорога оказалась недлинной.

Старинный особняк, прекрасно отреставрированный, стоял в глубине зеленого двора неподалеку от Пречистенки. Он был оснащен выносными телекамерами. Ворота неслышно открылись на свет фар, и по бокам сразу выросли двое охранников в темной форме. Кто-то грамотно потрудились, чтобы обеспечить семье Бояровых максимум безопасности.

— А кому принадлежал этот особняк при царе-батюшке? — спросил Голованов.

— Демидовым.

— Что, тем самым, что еще при Петре? Графам, кажется?

— Вот именно. — Боярова с интересом посмотрела на Севу. Но тот только покачивал головой — не то удивляясь, не то сомневаясь.

Дверь им отворила горничная в кружевном передничке, словно под старину. Она поклонилась хозяйке и гостям и доложила:

— Только что звонили Николай Андреич, будут через полчаса.

И в этом тоже какая-то игра...

— Прекрасно, — сказала, не оборачиваясь к ней, Боярова и прошла в просторный холл. — Ужин на пятерых. В моем кабинете.

Прошли в гостиную, обставленную итальянской мебелью, сработанной также под старину. Вошла горничная с подносом, на котором стояли кофейник и маленькие кофейные чашечки. Саксонский фарфор, определил Кротов. Его интерес не остался незамеченным.

— А вы, Алексей Петрович, — хитровато улыбнулась Елена Юрьевна, — умеете не только что-то там строить! У охранника, которого вы так играючи положили, между прочим «черный пояс».

— Вот именно, что между прочим... — хмыкнул Кротов, делая глоточек и разглядывая чашечку. — А вот это — подлинник, причем действительно старинный. Настоящий Мейсен! Век, вероятно, восемнадцатый. Где-нибудь середина.

— Я в восхищении, — искренне заметила Боярова. — А ведь я вспомнила, где видела вас!

— Где же? — продолжая любоваться фарфором, спросил Кротов.

— Да там же, возле нашей медсанчасти. Где ошивались ваши друзья — Филя и Сева. Вернее, Сева лечился, а вот ошивались как раз вы.

— Боюсь, вы ошиблись, Елена Юрьевна. В Чечне я не бывал...

— Ну пусть будет по-вашему... — не стала спорить Боярова и сказала как бы в сторону: — Хотя я практически никогда не ошибаюсь.

— Вероятно, это как раз тот редчайший, если не единственный, случай в вашей богатейшей практике, мадам, — учтиво улыбнулся Кротов. — Впрочем, мне бы тоже не хотелось настаивать, поскольку бывают до омерзения похожие люди.

Все рассмеялись, и Боярова сменила тему:

— А как вы оказались в ЦДЛ?

— Разве нельзя? — удивился Кротов. — Я там частенько бываю. Кухня хорошая, не шумно. Как только он стал дорогим коммерческим заведением, я имею в виду конечно ресторан, там стали появляться солидные люди, серьезная публика. Писатели же не только народ шумный и приставучий, но и небогатый, им Дубовый зал не по карману, им — кафе... Веранда, на худой конец...

— Ну... писатели тоже бывают разные, — усмехнулась Боярова. — Но мне сегодня повезло, скажу честно. Ведь я вас разыскивала, Сева.

— Чем же это я перед вами провинился? — сыграл испуг Голованов.

— Наоборот!.. Вот Алексей Петрович высказался довольно однозначно о писательской братии... Может, он по-своему прав, не знаю. Но сам процесс творчества — это ведь чрезвычайно заразительная вещь. По себе знаю...

— Мама родная! — явно придуриваясь, запричитал Филя. — Да неужто и вы, царица, так сказать, бала, какие-то любовные романы сочиняете?!

Его комический ужас у всех вызвал улыбку.

— Нет, романы я, конечно, не сочиняю, — смеясь, сказала Боярова, — однако кое-какие жизненные впечатления записывать не ленюсь. И мне были вы все очень интересны, вы — «русские волки», о ком я много слышала и в Афгане, и в Чечне. Вы ведь, Сева, тогда не были старшим? Вами командовал Валерий Саргачев? ¹ Саргач, если не ошибаюсь?

Никто из троих не проронил ни слова. Елена Юрьевна внимательно посмотрела на них и закурила.

— Надо понимать, что он в чем-то провинился перед вами?

— Вы пригласили нас для того, чтобы мы поделились своими воспоминаниями? — сухо спросил Голованов. — А вы уверены, что нам это приятно? Или интересно?

— Извините, мальчики, — после долгой паузы сказала Боярова.

Слова были сказаны так искренне, что гости немного расслабились.

— И вы каждый день садитесь за стол и пишете? — спросил настырный Филя.

— Если бы!..

— Но ведь я слышал, что у писателей ни дня без строчки, так?

— У профессиональных писателей, может, и да. Но я же не писатель... Просто воспоминания о хороших людях, которых встретила в жизни... Всякие смешные истории. Забавные. Есть и трагические. Печатать я это пока не собираюсь, возможно, когда-нибудь детям будет интересно. И поучительно. Знать, как мы с вами жили! — Последнее она произнесла почти с вызовом.

— Так это ж совсем другой разговор! — повеселел Голованов. — Вот Филя у нас по этой части настоящий мастак. Давай, Филя, чем вола тянуть, расскажи что-нибудь поучительное из своей жизни!

¹ См.: Ф. Незнанский. «Король казино». Бархатный губернатор (М., 1997).

— А что? — даже приосанился Филя. — Это можно. Да вот хоть случай, как мы в стогу ночевали. Рассказать? — спросил у Севы.

— Валяй! — заулыбался тот.

— Ну ладно. Пришлось, говорю, нам во время одного рейда заночевать в стогу сена. Шуметь, сами понимаете, нельзя, переговариваемся исключительно с помощью рук. Раскопали стог, залегли, устроились. Ночь, стало быть. И вдруг слышу — храп! Да какой! Богатырский! С присвистом, со всхлипом, сытый такой, важный... Ну, думаю, дает Демидыч, во наявивает! Так он же нас своим храпом всех выдаст...

— Демидыч? — перебила Боярова.

— Вот именно. Здоровенный такой мужик. Косая сажень!

— Но почему Демидыч?

— А-а-а! — сообразил Филя. — От своей фамилии. Володька Демидов он. Мог троих в охапке тащить!

— Смотри-ка, тезка мой! Я ведь урожденная Демидова.

— Ну тогда мне лично все понятно! — Филя широким жестом обвел гостиную. — Не, у него такого особняка точно нет. Так что, знаете, как в том анекдоте: «Цыперович, вы не родственник того Цыперовича, который уехал за границу?» — «Что вы, что вы! Даже и не однофамилец!»

Переждав очередную волну смеха, Филя продолжил:

— Словом, лежу я и думаю, что Демидыч сейчас своим храпом всех «духов» на ноги поставит. Тянусь к нему, толкаю. Чувствую, он. А не храпит. То есть храпит, но не он. Я, конечно, туда-сюда — спят мои ребятки. Тихо спят, не шелохнутся. Так кто же храпит-то?! Нет, думаю, что-то тут не так, какая-то подлянка имеет место. Но какая? Выбрался я из стога. А луна! Не дай, говорю, бог! Автомат на взводе. Вдруг, думаю, «духи» с той стороны уже после нас пришли? Каково? Двигаю вокруг стога. И чем дальше — сильнее храп. Точно, «духи»! И тут мне прямо под ноги выкатывается живое существо вроде щенка. Но откуда же здесь собаки?! Пригляделся я и — мать моя! Да это же волчонок!

— Неужели это он так храпел, что разбудил вас? — сделала большие глаза Боярова.

— Нет! Куда ему! Папаша его храпел. А первой учуяла меня мамаша. Выскочила волчица, глазищи как фары! Рыкнула, к земле прижалась. Ну, думаю, мать моя женщина, сейчас прыгнет, зараза! Всю нашу операцию сорвет! А за ней следом — сам! Ну волчара! Ну матерый! А дальше еще с пяток малышей закувыркались. Это они, значит, тоже на ночлег устроились...

— Но запах? — спросила Боярова.

— А чего запах. Там же человечинной везде пахло. И свежей, и несвежей. Ладно, думаю, не стану им мешать. Стою, на самого гляжу внимательно. А тот зубы скалит и тихонько ворчит, тоже лишнего шуму не желает. Мамашка тем временем всех волчат за шиворот куда-то переволокла. И только тогда матерый посмотрел на меня на прощанье, повернулся и затрусил прочь.

— А почему же он все-таки не бросился на вас, Филипп?

— А что он, дурак? У меня ж автомат в руках! На взводе. Это ж, извините, и ежу понятно, чего можно натворить...

— Наверное, оно так, но мне все равно что-то не верится...

— Так и Севка тоже не поверил. Пока я ему свежий помет не показал. Ладно, дарю вам историю. Может, при случае сгодится.

— Обязательно сгодится, Филипп... А ведь я знаю, почему он на вас не кинулся. Сказать?

— А ну!

— Вы где-нибудь слышали, чтобы волки волков трогали? То-то и оно. Вас же как звали? «Русские волки». Вот вам и разгадка!

Елена Юрьевна с удовольствием рассмеялась. А Филя многозначительно поглядел на друзей и произнес с большим уважением:

— Вот что значит писатель! Нам бы такое и в голову не пришло!

— Ну а задание-то свое вы тогда выполнили? — вернулась к теме Боярова.

— Естественно.

— А что надо было сделать?

— Так. Ерунда. Ничего интересного, — сразу сник Филя.

— А что вы скажете, майор? — уважительно обратилась женщина к Севе.

— Да ну его! Соврет — недорого возьмет! — усмехнулся Голованов.

— И следы были, и помет. Ну и что?

— Да я про ваше задание.

— Ах это... Выполнили, конечно. А как иначе?

— Нет, — вздохнула Боярова, — с вами каши не сварить...

И в это время в гостиную вошел крупный холеный мужчина лет сорока. Под стать Кротову. Предупрежденный уже охраной, он не удивился гостям и представился первым?

— Николай Бояров.

Поздоровавшись со всеми за руку, повернулся к жене:

— Может, расскажешь?

— Так ты уже и сам все знаешь. Жаль. А я тут выдумала для тебя целую детективную историю.

— Где их оружие?

— Ты про пистолеты? Вероятно, в машине. — Она обернулась к гостям: — Вы не заметили?

— Отчего же не заметили!.. — хмыкнул Голованов и поднял стоявший возле его кресла кейс. Достал из него пистолеты, выложил на стол. Рядом пристроил обоймы.

— Нет, ты скажи, от кого узнал? — пристала к мужу Боярова.

— Неважно.

— Я уволила твоих сторожей.

— Не только ты, — улыбнулся Николай Андреевич.

— Ты бы вернул мне Митю Рябова...

— Он ушел по собственному желанию, — с заметным раздражением ответил Бояров.

— Он не мог уйти, не поговорив со мной. Значит, что-то не то!

— И тем не менее...

— Скорей всего, его просто ушли!

— Откуда у тебя такие сведения?

— От этого твоего Маркина можно ожидать чего угодно! — почти с запальчивостью выкрикнула Боярова.

— При чем тут он?! — повысил голос и муж.

Похоже, разгоралась семейная сцена. Гости чувствовали себя неуютно и не скрывали своих чувств, при этом прислушиваясь к каждой интонации. Нет, хозяева ссорились искренне.

— Он при том, что сам и нашел мне этих амбалов! Я это знаю совершенно твердо! Тоже мне «черные пояса»! Сказала б я, да гостей стесняюсь!

— Это что-то новое, — натужно засмеялся Бояров. — Чтоб ты постеснялась выдать очередную свой перл!

— При ком угодно — да! Но не при них. Они мои боевые товарищи. По Чечне. А по Афгану — и твои тоже.

— Кроме меня, — быстро вставил Кротов.

— Так откуда ж они уволены? Из какой системы? — настаивала Боярова.

— Да мало ли их! ФСБ, МВД, ФАПСИ... Черт ногу сломит! Но мы своим спором уже надоели нашим гостям. Давай прекратим.

В гостиной прозвучал приятный музыкальный аккорд.

— Ты прав, — мгновенно отреагировала Боярова. — Ужин готов. Нас приглашают. Ты как, Николай?

— Буду минут через десять — пятнадцать. Начинайте без меня. Надо сделать парочку важных звонков.

— Стол накрыт у меня в кабинете.

— Отлично, моя дорогая...

Николай Андреевич сбросил со своего лица маску спокойствия и уверенности и подошел к большому зеркалу. На него глядел усталый мужик с заметной сединой в волосах, натруженными, воспаленными веками, с мешками под глазами и немного растерянным взглядом.

— Не раскисать! — вслух приказал себе Бояров.

Он принес из своего кабинета «дипломат», сложил в него пистолеты с обоймами, набрал на замке цифровой код и вызвал по телефону охранника со двора. Когда тот явился, приказал:

— Минут через пять подойдет «Волга». «Дипломат» отдадите человеку, который предъявит документ на имя полковника Довбни Тимофея Поликарповича.

— Слушаюсь.

Бояров закурил и с наслаждением сделал несколько глотков остывшего уже кофе. Потом он подошел к нише в стене и включил телевизионный монитор. На экране появилась картинка: часть переулка, два дерева, створка металлических ворот.

Наконец показалась черная «Волга». Появился охранник с «дипломатом». Из машины вышел грузный мужчина средних лет, протянул охраннику удостоверение. Тот просмотрел удостоверение, сличил фото с его хозяином и только после этого протянул «дипломат».

— Благодарю, — хриплым голосом сказал мужчина.

— Всего хорошего, — ответил охранник, закрывая ворота.

«Волга» уехала.

Бояров допил кофе, выключил монитор и вышел из гостиной...

Стол был сервирован по высшему классу, но гости за него не садились, осматривали кабинет хозяйки. А посмотреть было на что.

Обстановка здесь отличалась от обстановки той же гостиной. Огромный стол со столешницей из малахита. Трюмо с затейливыми завитушками. Изящной работы подсвечники. Старинные иконы в золотых окладах и портреты кисти мастеров прошлого на стенах. В большом стеклянном шкафу, облицованном тоже малахитом, тускло сияла серебряная посуда. Все вокруг так и пахло стариной...

— Да, это не новодел, — опытным глазом определил Кротов.

— Все прежде принадлежало семейству Демидовых, — скромно заметила Елена Юрьевна. — Многое пришлось разыскивать. И у каждой вещи своя, удивительная порой, история...

— Ну это в общем доказать трудно, — усомнился Кротов. — Можно уверенно говорить разве лишь о возрасте. О веках. Да ведь и вы, уважаемая Елена Юрьевна, молоды, чтобы, к примеру, помнить эти вещи в доме ваших родителей. Иконы, скажем, картины — это проще, поскольку всегда имеется возможность провести иконографический анализ. А вот стол?..

— А вы загляните под него, — с азартом произнесла Боярова.

Кротов присел, что-то стал разглядывать, потом подмигнул хозяйке.

— Табличку тоже можно прибить любую!

— Ах вы Фома неверующий! А что скажете по поводу золотых гвоздей с инициалами Павла Николаевича Демидова? На шляпки взгляните!

— Ну и что? Левша, помнится, аглицкую блоху подковал! Правда, она после этого, говорят, скакать перестала, но это уже мелочи. Однако с тех пор не переводились на Руси умельцы...

— Все бы вам спорить! Все бы дразнить пожилую хозяйку, помешанную на семейных реликвиях!

— Ну уж, ну уж! — засмеялся Кротов, поднимая обе руки кверху. — И никакая вы не пожилая, а очень даже наоборот.

— Благодарю за приятный комплимент! Но подлинность стола подтвердил сам академик Климов.

— Тут я пас! Спорить с академиками гиблое дело...

В кабинет вошел Бояров, глянул на стол и с удовольствием потер руки.

— Прощу, господи! — сказал Бояров и сел первым.

Гости же подождали, пока займет свое место хозяйка, и лишь после этого тоже отодвинули свои стулья.

За ужином Николай Андреевич много шутил, припоминал афганские события. Слегка пожурил супругу за ее приезд к нему в те дни. Немного покрепче ей досталось за ее слушание и поездку уже в Чечню.

— Она, как у Киплинга, кошка, гуляющая сама по себе. За что, наверное, и люблю ее. А еще за сына и дочь...

— Сын у вас студент? — спросил Кротов.

— Какой! — засмеялся Бояров. — Курсант Рязанского десантного! Это все опять она настояла, — кивнул он на жену. — А дочь начала учиться в английском колледже. — И без паузы спросил в свою очередь: — А вы, Алексей Петрович, чем занимаетесь? Если не секрет.

— Я уж говорил давеча Елене Юрьевне. Строим себе помаленьку. Друзья помогают.

— У вас фирма?

— Да. «Феникс» называется.

— Что-то очень знакомое... подождите-ка! Вот! Вы особняки строите?

— Было дело. Но понесли убытки. Новые господа наелись. А те, что еще не успели, видно, сообразили, что коттеджные поселки, коих число миллион, уже не фасон для невесты. Им персональное подавай!

— И правильно! — с жаром поддержал Бояров. — Мне тоже эти все замки красного кирпича на одной полянке не нравятся! Но, если мне память не изменяет, генеральным в этой фирме — женщина? Или не так?

— Все абсолютно верно, — улыбнулся Кротов. — Ее зовут Инна Александровна Полонская. Моя законная жена.

— Вот как! — удивился Бояров. — А... вы, простите, кем же при ней? Мужем?

— Вы напомнили смешной анекдот. «А что же он днем делает?» Нет, я еще не исполнительный директор.

— У вас специальное образование? — продолжал с непонятной целью допытываться Бояров.

— Даже два: юридическое и археологическое. В смысле историческое.

— Увы, а у меня всего лишь военное...

— Бросьте, Николай Андреевич! Кто же вас не знает! Вы самородок. Видно, пошли в породу предков вашей жены. И они ведь не сразу стали графами.

— А ведь уел! — обрадовался Бояров. — Слышишь, женушка? Уел нас с тобой гость дорогой! За это надо немедленно выпить!.. — Махнув рюмку, Бояров тут же вернулся к прерванной теме: — А насчет того, что кто-то наелся и персональный замок на одной отдельно взятой горе требует, так это, Алексей Петрович, не совсем так. Тут отчасти и строители виноваты, и отсутствие необходимых коммуникаций, и скученность строительства, и многое другое. А вот если возводить удобные и красивые поселки не по колхозным бывшим полям, а

вдоль Москвы-реки, на Николиной Горе, в Петрове-Дальнем, то есть поближе к сильным мира сего, охотников много найдется.

— У нас и такая возможность не исключена, — просто ответил Кротов, как бы ставя точку.

Бояров с интересом посмотрел на него, но промолчал и, лишь прощаясь, в холле, протянул свою визитную карточку.

— Вы меня заинтересовали своими возможностями, Алексей Петрович. И я был бы вам очень признателен, если бы вы нашли для меня свободную минутку для разговора по данной теме.

— У нас есть несколько неясностей в деталях, но, как только вопрос прояснится окончательно, немедленно позвоню вам. Кстати, ваш интерес распространяется на что-то сугубо личное или это вообще?

— Первое, Алексей Петрович. И уж, пожалуйста, без шести соток.

— Понял вас, — улыбнулся Кротов. — Примерно так на пятьдесят — семьдесят?

— Я скажу другое: выгорит дело, организую вам такую клиентуру — пальчики оближете!.. Ну, всего доброго. Куда прикажете вас доставить?

— Благодарю, мы сами.

Покинув гостеприимный особняк, троица неторопливо двинула в сторону Пречистенки.

— Ну, Филя, что скажешь? — спросил Голованов.

— Я сыт, пьян и нос в табаке. И женщина славная.

— Как, Алексей? — Голованов повернулся к Кротову.

— Все путем, мужики.

— Нет, — вздохнул Сева, — хуже нет, когда отсутствует конкретно поставленная задача...

— Успокойся, мы свою задачу даже перевыполнили! — Кротов оглянулся и добавил: — Придет время, я вам все объясню. А пока молчок!

Обогнав их, к тротуару прижалась черная «Волга». Открылась правая дверца. И знакомый голос Вячеслава Ивановича Грязнова произнес:

— Садитесь, граждане хулиганы, разбойники и драчуны! Подвезу...

В особняке на Пречистенке между супругами в ту ночь состоялся разговор, которого, пожалуй, у них не случилось за всю совместную жизнь.

Елена Юрьевна не имела привычки лезть в дела мужа, но в последнее время стала намекать, что ему было бы не худо поделиться с ней своими заботами. Она чувствовала, что у мужа дела пошли не очень ладно. Николай Андреевич стал приезжать домой под хмельком, чего раньше почти не случалось, бывал раздражительным и злым, неразговорчивым и скрытным. Елена Юрьевна, привыкшая видеть мужа решительным и уверенным, забеспокоилась.

Вот и в этот раз, войдя в кабинет мужа, она застала его с рюмкой водки в руке, и это после того, как с гостями было выпито немало. И уже давно пора бы остановиться.

— Не нравишься ты мне в последние дни, Николай.

— Да?.. — Он перевел захмелевший взгляд на рюмку, слегка покачивающуюся в руке. — Ладно, последнюю и — баста!

— Пей хоть всю бутылку, — с легкой брезгливостью кивнула она початый флакон «абсолюта», — шло бы на пользу...

— Уговорила, — Бояров опрокинул рюмку и нетвердой рукой потянулся снова к бутылке.

— Что с тобой происходит? — Она села в кресло.

— А что, заметно?

— Для других — не знаю, а я вижу.

Николай Андреевич не спеша, как человек, уже втянувшийся в сам процесс, выпил еще рюмку, сел напротив жены и стал закуривать. Вдруг совершенно трезвыми глазами уставился на нее и сказал:

— Действительно произошло...

— Может, тебе надо душу освободить? Расскажи, будет легче. Я готова тебя выслушать.

— Две недели назад я имел беседу в ФСБ.

— По своей инициативе? Или пригласили?

— Вот именно — или... Ты ведь постоянно просматриваешь журнальчики на английском и французском?

— И что из того?

— Значит, могла видеть на обложке одного из них так называемую диадему Демидовых? Елена Юрьевна лишь грустно вздохнула. Ее страсть к вещам своих предков была известна всем.

— Ты, вероятно, имеешь в виду убийство исполнительного директора фирмы «Голден» Леонарда Дондероу?

— С умным человеком и поговорить приятно, — без улыбки констатировал Бояров. — Так вот, беседа у нас шла именно об этом убийстве. Точнее, о его причинах.

— Но ты-то тут при чем?!

— Если бы не моя помощь в кавычках, драгоценности Гохрана оставались бы в целостности и сохранности.

— Ничего не понимаю!

— К великому моему сожалению, тут все проще простого. Тебе известны мои приятельские отношения с Виталием Пучковым — председателем Гохрана. Но я совсем не был в курсе того, что он сотрудничал с этими жуликами из фирмы «Голден».

— Так, значит, и он жулик?

— Тебя, дорогая, послушать, так кругом одни воры и жулики!

— Что ж удивительного. Девяносто из ста процентов. Ты и сам это знаешь прекрасно. Но не отвлекайся.

— И тем не менее я не думаю, что Виталий знал о готовящейся афере. Я бы и предположить подобное не решился...

— Так он что, обратился к тебе за помощью, а ты не отказал? И в чем же должна была состоять твоя помощь Гохрану?

— «Голден» для Виталия была посреднической фирмой. А вот кредитора нашел Валерий Комар, его ты тоже знаешь...

— Весьма неприятная личность, — почти фыркнула Боярова.

— Не стану спорить с тобой, пусть каждый остается при своем мнении... Не в том суть. В конце концов, найти среди американских банков толкового кредитора — задача хоть и нелегкая, однако решаемая. Но вот предпринимателей, людей влиятельных в большом бизнесе, которые могли бы поручиться за никому не известную фирму «Голден» как за посредника, он бы не нашел никогда.

— Неужели этот соплик смог тебя уговорить?!

— Нет, ему я отказал сразу... Другие люди. Министр финансов, Виталий Пучков, глава президентской администрации... Маркин тоже приложил руку...

— И этот?!

— А что ж ты хочешь?.. К его мнению прислушиваются.

— Теперь я поняла, зачем ты летал в Штаты... Вел переговоры с влиятельными бизнесменами?

Бояров лишь развел руками.

— Но почему именно ты? А не министр финансов? Не Пучков? Не тот же Маркин?

— В Штатах знают, кто я. И можно ли доверять моему слову. Деньги, дорогая, в нашем мире значат, к сожалению, больше всего остального. И те, кто их имеет...

— Выходит, твоя вина в том, что уважаемые люди в Штатах прислушались к твоему мнению и поручились за «Голден»?

— А разве этого мало? Ведь из Гохрана действительно исчезло народное достояние.

— Насчет народного — это еще как сказать, — снова тяжело вздохнула Елена Юрьевна, видно вспомнив про диадему. — Но, может быть, вернут?

— Никто уже ничего не вернет, — твердо сказал Бояров. — А вот я действительно в полном дерьме. Причем по уши.

— Странно... Пропали уникальные ценности, а пресса как воды в рот набрала...

— На-ка вот, — он протянул ей газету, — завтрашний номер «Московского комсомольца».

Елена Юрьевна развернула газету, и в глаза ей бросился крупный заголовок «Загадочное убийство в «Метрополе». Пока она читала статью, Николай Андреевич успел пропустить еще пару рюмок и выкурить три сигареты.

— Ну что теперь скажешь? — спросил Бояров, увидев, что жена как-то брезгливо отбросила в сторону газету.

— Это не просто нехорошая, а уголовная история, мой милый. Да, вляпался ты...

— Убийством, то есть его расследованием, занялся старший следователь по особо важным делам при генпрокуроре некто Турецкий. Ты, кажется, говорила, что была бы не прочь с ним познакомиться?

— Но об этом Турецком здесь нет никакого упоминания. — Она показала на валяющуюся на полу газету.

— Я знаю, что говорю.

— А насчет знакомства?.. Да, мне кто-то говорил, что он человек вьедливый и, если за что берется, не бросает. Хотела с ним поговорить о кое-каких старых еще, чеченских делах. Но он не принял. Видимо, просто не захотел. Сказали, его нет, а он спустя пять минут на моих глазах сел в машину.

— Я тебе могу сказать следующее: если у тебя вновь появится желание поговорить с ним, он примет тебя незамедлительно. Отложив при этом самые срочные свои дела.

— Откуда у тебя такая уверенность? — Елена Юрьевна усмехнулась с сомнением.

— Судя по сегодняшним твоим гостям...

— А какая связь? — забеспокоилась она.

— Самая прямая. Не знаю насчет Крогова, это надо еще проверить, а двое других в свое время работали в МУРе, у небезызвестного Вячеслава Грязнова, кстати, одного из ближайших друзей твоего Турецкого. А позже ушли в организованное Грязновым же частное охранно-разыскное агентство. И ныне возглавляет его племянник Вячеслава Ивановича. Теперь понятно, надеюсь?

— Откуда тебе все это известно? — изумилась Елена Юрьевна.

— Душа моя, — как непонятливому ребенку стал объяснять Бояров, — я звоню по определенному телефонному номеру, называюсь, говорю фамилии и короткое время спустя получаю любую информацию. Я, понимаешь? В числе других, очень, кстати говоря, немногих в Москве.

— Вот оно что! — удивилась Боярова. — А я сразу и не сообразила...

— Чего?

— Да как они стремительно решили проблему с теми амбалами...

— Люди их квалификации просто так по цедэлам не расхаживают. И чужую «личку» не курочат. Даже ради прихоти такой роскошной дамы, как ты, дорогая.

Елена Юрьевна насупилась. И тон мужа не понравился, и вообще вся ситуация вокруг их дома.

— Жаль, — сказала она после долгой паузы, — что я раньше твоими делами мало интересовалась...

— А что бы изменилось?

— Честно ответить, сколько ты положил в карман за свое посредничество?

— Ни копейки, — улыбнулся он.

— Что, и тебя нагрели? — скептически хмыкнула она.

Хотел было уже прикрикнуть на жену Бояров, чтоб не зарывалась, но сделал наоборот — рассмеялся.

— Точно! Еще как нагрели, мерзавцы!

— Сумма большая?

— Цифра и шесть ноликов. «Зелененьких».

— Ты имеешь в виду диадему?

— Умница, — сознался Бояров. — Я очень хотел тебе ее подарить.

— Да-а... Вот и поговорили, — грустно вздохнула Елена Юрьевна. — Пора спать, устала я...

— Ты чего задумала, Лена? — внимательно посмотрев на жену, спросил Николай Андреевич. — Я тебя прошу, без меня ни одного шага!

— Ну да! Тебя подозревают в мошенничестве! В воровстве! А я буду сидеть сложа руки и молчать?!

— О чем ты говоришь?! Какое воровство? Какое мошенничество?

— Там, в статье, упоминается и твое имя.

— В первый раз, что ли, полощут? Вон в позавчерашних «Известиях» тоже полоскали. В связи с сибирским заводом. А заводик-то поднялся-таки на ноги! Кому-то выгодно. Тебе же известно насчет пророка в своем отечестве... А на каждый роток не накинешь платок.

— При чем здесь завод? — раздраженно возразила жена. — Речь идет об украденных национальных ценностях!

— Ну вот что, дорогая... — У Боярова уже не раз был случай убедиться, что слова жены редко расходятся с делом. — Я настоятельно прошу тебя, даже, считай, приказываю, не вмешиваться в эти дела. Они касаются одного меня. Это, надеюсь, понятно?

Она пожала плечами: понимай, мол, сам, как хочешь.

— Я требую, — продолжал он, — чтобы ты занималась исключительно личными своими делами. Пиши дневники, воспоминания, но из дома ни на шаг. Впрочем, я дам команду охране.

— И сколько ты намерен держать меня в Башне молчания? — насмешливо поинтересовалась она.

— Ровно столько, сколько потребуется мне.

— Хорошо. Сутки я тебе обещаю. Этого срока тебе должно хватить.

— На что?!

— На то, чтобы решиться и пойти к Турецкому.

— Ну знаешь!

— Знаю, — спокойно ответила она.

— Разговор окончен, — после паузы сказал он.

— Спокойной ночи. — Елена Юрьевна поднялась и оставила его кабинет.

Бояров некоторое время сидел в задумчивости, потом прошелся по кабинету, остановил взгляд на бронированном сейфе, вделанном в стену и закрытом резной деревянной панелью. Произнес вслух:

— Этого не может быть.

Он нажал кнопку-сучок, и панель отошла в сторону, открыв взору серебристую поверхность сейфа. Помимо валюты и документов в секретном отсеке сейфа лежал сверточек размером со спичечный коробок.

Бояров торопливо развернул его и облегченно вздохнул: микропленка была на месте...

У Елены Юрьевны были все основания брезгливо морщиться при упоминании фамилии Комар. Но такое отношение к нему сложилось не сразу.

Когда, уже много позже афганской эпопеи, Бояров представил этого светловолосого мечтательного ангела как своего однополчанина, Елена Юрьевна отнеслась к нему даже с некоторой теплотой, поскольку в первое время после окончания войны над ее участниками-интернационалистами еще сиял ореол героев, а грязные подробности не стали достоянием демократически настроенной общественности.

Ей и в самом деле понравился этот молодой человек, смотревший на нее глазами сумасшедшего влюбленного. Она была старше, и ей, естественно, льстило такое искреннее и в чем-то наивное почитание. Милый юноша, он прошел тяжелейшую войну, при штабе танкового корпуса, но тем не менее...

Он стал изредка появляться в доме Бояровых, разумеется, ни о каких услугах с его стороны нечего было и говорить, вполне хватало его молчаливого обожания хозяйки. И Елена Юрьевна, пожалуй бы, и дальше не возражала против присутствия этакого пажа, симпатичного и послушного. Но как-то раз она попросила его немного помочь ей. Боярова собиралась совершить небольшую прогулку по магазинам, и ей нужен был спутник, который таскал бы в машину покупки.

Их набралось неожиданно много — полный багажник ее «мерседеса». Обрато ехали, перебрасываясь шутками, обмениваясь впечатлениями от приобретений. Неожиданно Елена Юрьевна — она сама вела машину — почувствовала какое-то напряжение. Казалось, что в салоне машины начала быстро сгущаться атмосфера, предвещая резкую перемену погоды. Было жарко, отчего-то барахлил кондиционер, и она опустила боковое стекло. Ворвавшийся ветер шаловливо вскинул подол ее легкого летнего платья, полностью обнажив замечательно загорелые крепкие ноги зрелой женщины, от которых просто не было сил отвести глаза. Гортанно смеясь, как это умела делать только она, Елена, одной рукой держа баранку руля, другой попыталась опустить платье, но, видимо, не слишком настойчиво. А потом, чего, в конце концов, стесняться — красота достойна обозрения! Боковым зрением она заметила, как напрягся спутник, но в следующий момент его ладонь, пытавшаяся помочь ей с непослушной материей, якобы промахнулась и жарко легла на круглое, атласно сияющее колено. Будто не замечая неловкости, она продолжала призывно смеяться, дразня Валерия своей ослепительной наготой. Рука его тут же поплыла вверх по тугому холемому бедру и вдруг вцепилась в скользкий шелк ее промежности, а сам Валерий, издав горлом непонятный глотающий звук, поднырнул головой под руль и впечатал губы в роскошное тело.

И в тот же момент он услышал ее холодно-предостерегающее:

— Осторожно, молодой человек!

Елена резко тормознула, а он, ничего не успев сообразить, кутенком слетел с сиденья на пол, больно ударившись плечом и едва не вывихнув руку.

Придя в себя, он исподлобья взглянул на женщину и встретил презрительно-снисходительный ее взгляд, который вмиг бросил его из жара в ледяной холод.

До конца поездки они больше не разговаривали, словно сами взяли и порушили напрочь ими же созданную интимную близость. А въехав в ворота, она приказала охраннику перенести покупки в дом и ушла за ним следом, лишь холодно кивнув неловкому кавалеру на прощанье. Не пригласив в дом и даже не поблагодарив за помощь.

Он очень расстроил тогда ее, этот наглый мальчишка. А ведь у Елены Юрьевны уже наклеивалась было мысль приласкать при удобном случае своего обожателя. И все оттого, что в ее интимных отношениях с Николаем что-то нарушилось. Был очередной период, когда у него не клеились дела, он нервничал, злился, стал попивать лишнего. Дошло до того, что в какой-то момент он просто опротивел ей своими пьяными ночными притязаниями, и считанные минуты близости с ним превращались для нее в мучения, он словно растерял всю свою ласку и пользовался ею исключительно для скорого удовлетворения своих физиологических потребностей. Она чувствовала, что он относится к ней теперь как к любой попавшейся под руку шлюхе.

Легкая разведка, произведенная Еленой, подтвердила ее предположения: в офисе мужа, оказывается, уже завелась секретарша с длинными ленивыми ногами и бесстрастной физиономией куклы Барби. А подобные работницы, как известно, служат лишь для одной цели: быстро и без последствий снять стресс у своего босса.

И тогда Елена Юрьевна приказала в одной из комнат особняка, рядом со своим кабинетом, оборудовать собственную спальню со старинной кроватью и балдахином над ней. Николай Андреевич, говоря словами классика, получил полный отлуп. Впрочем, внешне отношения между супругами почти не изменились.

Вот тогда и произошла встреча, на какое-то время круто изменившая внутреннее состояние Елены Юрьевны.

Черт ее занес на маленькую художественную выставку в одном из салонов на Тверской. Прочитала надпись на панно при входе: «Чечня: война и мир». Зашла, и первым, кого встретила, был Дима. Елена не помнила его фамилии, но навсегда запомнила имя молодого живописца из студии имени Грекова, который приехал на первую тогда чеченскую с альбомами и блокнотами, наполнявшимися зарисовками боевых и мирных эпизодов. Он был ранен во время артобстрела, осколком российского снаряда разворотило правую руку до такой степени, что единственно возможным решением было отнять ее. Оперировала Елена. Правая рука для художника — это же действительно настоящая трагедия. Но оказалось, что Дима был левшой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.